

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
-----------------------	---

Часть I

Миссия начинается	17
Путешествие по России. Первые впечатления	25
Кремль и запреты диеты	31
Отчет президенту по вопросам долга и встрече с Калинин	37
Неготовность Франции	42
Судебный процесс по делу Радека	45
Нейманн о немецкой агрессии	68
Литвинов предупреждает относительно Гитлера	72
Первые дискуссии по советской задолженности	75
Обед на даче Розенгольца	79
Снова о процессе Радека	81
Литвинов выступает против войны и «нейтралитета»	90
Молотов показывает полное непонимание темы долга	97
Визит в кремль. Слухи об арестах	98
Впечатления от Ленинграда	100
О состоянии долга СССР перед США	105
Российская промышленность: как это работает и почему	107
Литвинов, Испания и коллективное обеспечение мира	116
Женский обед на молотовской даче	120
Производство золота в СССР	123
Сталин и всеобщее избирательное право	126
Компромисс между коммунизмом и природой человека	127
«Волк и Красная шапочка». Выступление М. Майского, советского посла в Лондоне	130

Часть II

Вашингтон и Восток. Апрель — июнь 1937 г.	137
Планы агрессивной инфильтрации Германии	140

Часть III

Чистка поразила Красную Армию	148
Убийство красных генералов	150
Жизнь в Москве	152
Советско-японский амурской пограничный инцидент. Когда Япония обнаружила, что Россия не блефует	153
Влияние чистки на европейский мир	156
Операция по зачистке — армия остаётся верна Сталину .	159
Ведение бизнеса со Сталиным	162
Русский медведь разворачивается	164
Почему расстреляли Тухачевского	173
Реальное состояние сталинского режима	185

Часть IV

Россия глазами соседей	187
Пиратство в Средиземноморье	194
Предполагаемая деятельность Германии и Финляндии в России	195
Двадцатилетие революции в России	200
«Литвинов был чрезвычайно пессимистичен»	210
Расчет барона Штайгера	220

Часть V

Как чистка ударила по Бухарину	221
Открытие судебного разбирательства по делу Бухарина-Рыкова	224
Пятая колонна в России	229

Часть VI

Москва слушает барабаны войны	237
Литвинов опасается «фашистского мира»	240
Польский ультиматум Литве	242
Общее положение в Европе на взгляд из Москвы	245
Отношения Советского Союза с дальневосточными странами	246
Ничто не может остановить Россию	247

Часть VII

Кульминация миссии	257
Россия и Япония: анализ отношений. Ситуация в Европе	272
Неожиданная встреча со Сталиным	275
Подготовка к расставанию с Москвой	285

Часть VIII

Итоговое резюме и отчет по Советскому Союзу	298
---	-----

Часть IX

Пожиная плоды миссии	343
Письма Молотову и Сталину	344
Советы устали от «нереалистичного» противостояния Великобритании и Франции агрессору	350
Малые страны Европы напуганы возможным нападением Германии	355
Ультиматум Молотова	358
Нацистско-советская бомба	365
«Русский медведь красиво отомстил за Мюнхен»	374
Примечание о Красной Армии	385
Коммунизм лучше нацизма	394
Анализ сопротивления русской армии и перспективы развития войны	401
Последнее слово	417
Заключение	420
Список персоналий	423

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это было 25 августа 1936 года. Джозеф хорошо помнил дату, потому что она — день рождения его матери. Он гостил у неё в Адирондаке, когда раздался этот долгий телефонный звонок. Не известно почему, но такие Джо отличал сразу — они, кажется, даже тренькали как-то по-особенному: важно и настойчиво. Звонил Стивен Эрли*¹, пресс-секретарь Белого дома. Ровным голосом, стараясь не проявлять эмоции, которые, впрочем, именно поэтому и угадывались, «старина Стив» сообщил, что его хочет видеть президент.

Если вам звонят из Белого дома, задавать вопрос «когда?» просто глупо. Звонок оттуда всегда означает: «Сейчас. Немедленно. А вы что, ещё не в приёмной?»

Через три минуты он уже ехал в Вашингтон.

Президент принял его в Овальном кабинете, поприветствовал, пригласил отобедать. Накрыли тут же — прямо на рабочем столе главы государства. Дождавшись, пока сервировщики уйдут, Франклин Делано Рузвельт выдержал продолжительную паузу, в течение которой рассматривал лицо гостя, пытаясь заметить малейшее движение мимических мышц, сужение или раскрытие зрачков, колебание век. Приглашённый внешне казался расслабленным и только глаза выдавали напряжённое ожидание: «Так зачем же вы меня вызвали, сэр?»

— Нам нужно обсудить ваше возможное назначение на работу за границу. В одну очень важную страну, — наконец, произнёс Рузвельт.

Слово «важный» в качестве характеристики для понятия «дипломатическая работа» — вещь экстремальная.

¹ Знаком * переводчиком отмечены персонажи из «Списка персоналий» в конце данной книги. — *Примеч. ред.*

«Очень» — вдвойне. Международные отношения по определению неважными не бывают. Но тут... Гость согласно кивнул. Кажется, он даже с этого полунамёка понял, о какой стране пойдёт речь.

Гостя звали Джозеф Эдвард Дэвис. Его знакомство с хозяином Овального кабинета исчислялось не одним десятком лет — в годы их политической молодости они оба были при деле в администрации президента-демократа Вудро Вильсона (на далеко не первых ролях, но тем не менее). Знакомство постепенно переросло в дружбу и совместное проведение досуга — оба любили гольф и посещали неформальный клуб общественных советников при администрации. Франклин, несмотря на то, что был младше Джозефа на шесть лет, котиrowался в плане политических перспектив выше, но никогда этого не подчёркивал, прекрасно понимая, что для достижения самых верхов нужны надёжные проверенные помощники, а такие, как правило, снобов на дух не переносят.

Так они и поднимались по жизни, не теряя друг друга из виду.

Дополнительной связью, крепившей их дружбу, были мамы. Мать Рузвельта души не чаяла в Джозефе, выделяя его среди всех друзей сына. Мать Дэвиса постоянно восхищалась Франклином, считая его самым интересным среди всех товарищей своего отпрыска и время от времени повторяла, что Рузвельт когда-нибудь обязательно станет президентом Соединённых Штатов.

Обед проходил не спеша, за разговорами-воспоминаниями молодых лет. Джо не торопил Фрэнка, прекрасно зная, что, во-первых, тот не любит, когда его подгоняют. А во-вторых, раз позвал, да ещё срочно, значит, всё равно поделится мыслью, зачем.

— Я поговорил с Корделлом* [Халлом]. Мы пришли к выводу, что тебя можно направить в Германию или СССР. Что предпочтёшь?

По собственному признанию Дэвиса, он должен был бы про себя произнести «вот это да!» но почему-то этого не сделал. Удивления предложению не было, хотя Джозеф

дипломатической практики до того момента не имел. Зато практики партийной работы и опыта юридической деятельности хватало. Мысль «а вдруг не справлюсь» в голову тоже не приходила — её не пускали уверенность, что как раз справится, и желание поехать в Москву.

— Почему Россия? — услышал он голос президента. Оказалось, что Джо уже произнес вслух «Москва».

— Они обе — самые динамично прогрессирующие страны Европы. Но Россия — интереснее.

«Хорошо, что не предложил Францию, — подумал Дэвис. За несколько дней до этой их встречи в Париже скончался американский посол Джесс Страус. — Как бы я отказывал Фрэнку, если бы он захотел меня видеть на берегах Сены? Да, миссис Дэвис была бы против Парижа, но насколько это было бы весомым аргументом в оформлении отказа президенту?»

Впрочем, вопрос был риторическим — мы уже говорили, что Джо чувствовал: его позвали в Белый дом не для того, чтобы отправить гулять по Монмартру.

Германия, кстати, тоже не виделась перспективной в смысле дипломатической карьеры: сидевший послом в Берлине Уильям Додд* вполне устраивал Вашингтон и не выглядел фигурой, которую в течение ближайших месяцев Белый дом собирался переместить куда-нибудь в почётную ссылку на задворки дипломатии. Всё в политическом мире, конечно, может меняться в мгновение ока, но рассчитывать на такой авось по-серьёзному не стоит, а наживать себе неприятелей, занимая их место в манере «отжимания тёплого поста по протекции сверху» — оружие обоюдоострое. И доказывать потом, что ты к этой протекции никого не подталкивал, а «они там наверху сами всё так решили» будешь столь же долго, сколь и безрезультатно.

В общем, Советский Союз как место будущего назначения, таким образом, вырисовывался не только, как пожелание Дэвиса, но и высчитывался методом исключения прочих мест, казавшихся на первый взгляд, вероятными.

Рузвельт не стал изображать удивление или одобрение. Он вообще, кажется, не ждал никакого ответа, будучи

уверенным, что Дэвис согласится, а раз так, то пауза в речи президенту нужна было только для того, чтобы набрать в лёгкие воздуха для изложения своего плана. А Джо (воль-но или невольно) воспользовался ею, чтобы выразить свое согласие с предложением, да ещё и с комментарием, почему он делает свой выбор.

— Россия будет ключевой точкой ближайшей истории Европы, — произнёс хозяин Овального кабинета. Хотя Российская империя перестала существовать уже полтора десятилетия лет, вполне достаточных, чтобы научиться произносить «Советский Союз», 32-й президент США предпочитал называть государство со столицей в Москве Россией. Не объясняя, почему так. Впрочем, никто ему этот вопрос и не задавал.

— Мне нужно составить объективную картину: оценить сильные и слабые стороны этой страны, чтобы понять, как скоро в Европе начнётся война.

«И на чьей стороне вступать в неё Америке», — дополнил мысленно слова Рузвельта Дэвис, о чём признался в выпущенной через несколько лет после того разговора книге «Миссия в Москву». По словам автора, он почувствовал, что глава Америки не столько жаждал войны в Европе, сколько хотел «внести посильный вклад в сохранение там мира насколько это возможно», но, кажется, был при этом чересчур оптимистичен.

«Президент думал, что моё умение решать сложные юридические задачи поможет ему в реализации плана сохранения мира. Он считал, что обе стороны — и Германия и СССР — провоцируют друг друга на увеличение военных расходов, именно так понимая обеспечение мира между ними. Мира через понимание невозможности победить противника по причине равенства сил и ощущения, что нарушить этот паритет невозможно, если темпы развития соперников будут одинаковыми, — напишет Дэвис несколько лет спустя. — Президент считал, что если удастся как-то затормозить развитие производства вооружений обеих сторон, это позволит сохранить мир надолго. Свести вооружённые силы противостоящих государств к подразделе-

ниям полиции — было бы идеальным решением вопроса. Рузвельт сказал мне, что хотел бы, чтобы я именно в таком ключе прорабатывал всю информацию, которая будет мне поступать. И подчеркнул при этом, что хотел бы убедиться в том, насколько искренен Гитлер в своих заявлениях о стремлении к миру».

«Готовя моё пришествие в дипломатию, Рузвельт рассматривал назначение меня в Германию в качестве самого последнего из планов. На случай, если я не соглашусь ехать в Россию», — напишет позднее Дэвис в своей книге «Миссия в Москву». Трудно сказать, хотел ли он подчеркнуть этими строчками умение 32-го президента США предвидеть ситуацию или просто решил отпустить комплимент старому товарищу, который мог бы ещё сослужить неплохую службу. Работа Дэвиса вышла из печати в 1941 году, Франклин Делано тогда был ещё у власти, и всё говорило, что вышибить его с вершины американской иерархической лестницы не удастся никаким выбором. Только смерти это под силу.

«Я видел, что он доволен моим решением. Да мне и самому оно нравилось не только потому, что понравилось президенту. Мы стали вспоминать наше прошлое: как ещё Вильсон собирался направить меня в Советский Союз в 1913 году. Он даже предложил мне это назначение, но я отказался. Теперь знаю, что это было глупо, но тогда... Тогда я очень рассчитывал, что стану сенатором от Висконсина, но проиграл те выборы. Потраченного впустую времени было жаль, но я утешал себя словами, что приобретённый опыт политического соперничества мне ещё пригодится», — вспоминал потом Джозеф Дэвис.

Как только они — Рузвельт и Дэвис — обнаружили, что определились с местом назначения последнего, в Овальном кабинете возник Корделл Халл, глава Государственного Департамента и старый знакомец обоих. Госсекретарь увёл Джозефа к себе, по пути рассказывая тому, что в принципе, они оба — и президент, и госсек — имели на счёт того, кого послать в Москву, совпадающее мнение, и он рад, что не ошиблись, предполагая, что Дэвис будет с ними солидарен.

Не дожидаясь подписания указа президента о назначении Корделл и свежееиспечённый посол США в СССР сели обсуждать положение в Европе. Тогда Джозефу Дэвису даже и мысль не приходила в голову стать плюс ко всему писателем, издав свою книгу документов и впечатлений о годах, проведённых в Москве. Но когда он вернулся из двухгодичной командировки в Советский Союз, ощущения, что он видел «этих русских» не такими, как видят все, и что этот загадочный усатый горец — совсем не то, что говорят о нём за пределами его страны, понял, что не может не написать. Он должен был рассказать людям о Сталине. Так, как он, американский посол его видел: вблизи и нередко. Книга получилась... Какой? Пожалуй, лучшим и самым точным ответом на этот вопрос будет вот эта информация: когда по бестселлеру (да-да!) Дэвиса сняли фильм, ту ленту называли «самым пропагандистским (в пользу СССР и Сталина) кино в мире».

«После моего отъезда из Москвы Россия оказалась в гуще борьбы за ответ на вопрос, будет ли являться сообщество наций на планете Земля упорядоченным и мирным. Или оно будет управляться группой бандитов и преступников, готовых разрушить всё, что мы ценим в жизни. Перед поездкой в Москву я даже не думал, что буду писать об этом книгу. После возвращения я понял, что не могу не написать её, настолько изменились времена», — так объяснил в предисловии к своей «Миссии в Москву» её автор. — Ещё недавно казалось, что СССР и Гитлер подружились. Каждая из двух держав дала другой торжественное обещание не нападать на неё. Но сегодня сотни тысяч русских мужчин и женщин, чьи дома на рассвете были атакованы по команде мнимого друга, храбро сражаются и бесстрашно умирают за дело, которое крайне важно для нашей безопасности. Теперь они, Советы, — наши союзники».

«В нашей стране о России и Советском Союзе бытовало, да нет, пожалуй, просто насаждалось неправильное мнение, которое было основано на предубеждении и дезинформации. Надеюсь, моя книга позволит читателю взглянуть на эту страну, ее народ и особенно, лидеров, другими — моими глазами, не обвиняя при этом ав-

тора в пристрастии и спорном толковании событий и ситуаций», — написал Дэвис в предисловии. Подчеркнув, что прежде чем начать «получать факты из первых рук», читатель сначала должен ознакомиться с кредо автора, его принципами и жизненными ориентирами. К описанию чего немедленно и приступил.

Джозеф Дэвис — фигура для мира дипломатии, конечно, своеобразная. Крайне редко, а в те времена, когда он «посольствовал», особенно, можно найти личность, предпочитающую выражаться по максимуму просто, ясно и не прибегать (почти) к замысловатым оборотам, позволяющим понимать озвученную мысль двояко.

«Я сразу сказал господину Сталину, президенту Калинину и другим советским лидерам, что я точно не коммунист. Меня называют капиталистом. Я горжусь этим определением, но думаю, что мне больше бы подошло слово «индивидуалист». Капитализм с сопутствующим ему правом собственности является просто результатом индивидуалистического порядка в обществе, которое даёт каждому из нас возможность приобрести недвижимость, соответствующую нашим способностям в обществе честной конкуренции. Индивидуализм не является собственностью. Это индивидуальная свобода мысли и возможности. Капитализм — это только одна сторона индивидуализма. На самом деле, я являюсь продуктом такого индивидуализма».

Сто процентов, что это высказывание Дэвиса «господа Сталин и Калинин» внимательно выслушали лишь наполовину. Ровно до того момента, когда прекратилась конкретика («я не коммунист») и начались философские размышления о сущности индивидуализма.

Отправляясь в Россию (СССР, конечно), он для себя решил, что «не возьмёт с собой предрассудки», а будет «работать, воспринимая всё открытым разумом». Отчёты, которые он отправлял в Госдеп, письма которые слал домой, записи в дневнике — всё это, по его словам, «дышит честностью и реальностью в восприятии личностей, с которыми приходилось контактировать», и событий, которые он должен был освещать.

«Приукрашивать глупо, выдавать желаемое за действительное и препарировать события под заданные критерии — плохая и опасная идея, ведь это может привести к неправильным выводам и принятию неверных решений. Может быть фатальных. Надо всегда уметь отличать преднамеренность от объективного стечения обстоятельств, — отметил Дэвис в своей книге. — Когда я покидал Россию, президент Калинин сказал мне, что они сожалеют, что я уезжаю. Они видели, что я не был согласен с их верой и политической идеологией. Но они считают, что я был честным в моей оценке событий и искренним в моих усилиях, стремясь увидеть, что реально происходит».

«Кто-то из старых французских философов сказал: «Когда ты знаешь человека, ты не можешь ненавидеть его». Я узнал лидеров Союза Советских Социалистических Республик. Это группа способных, сильных людей. Я не согласен с ними во многом, но я готов уважать их за честность убеждений. На мой взгляд, эти люди считают, что они делают всё правильно. Я не сомневаюсь, что они посвятили себя делу мира, хотя их идеологические установки не совпадают с нашими. Я испытываю глубокое уважение и привязанность к русским людям. У них есть великие качества воображения и идеализма, которые нашли отражение в их литературе, в их музыке и в их искусстве. У них есть великие духовные качества».

Готовя книгу к публикации, Джозеф Дэвис меньше всего хотел быть обвинённым в просоветскости, прогерманскости или ещё каком-либо «про», поэтому предварил основную часть материала следующей пометкой:

«Материал в этой книге состоит из следующего:

— Мои доклады в Государственный департамент, отправленные из Посольства в Москве, из Брюсселя или из какого-либо другого места, где мне по долгу службы приходилось бывать, исполняя свою миссию;

— Личные письма чиновникам или друзьям;

— Записи из дневника;

— Специальные меморандумы, интерпретирующие или комментирующие определенные факты в тексте.

Официальные сообщения говорят сами за себя и представлены во всех материалах.

Мои мнения и суждения основаны на фактах и ситуациях, что подчёркивается приводимыми датами используемых сообщений. В некоторых случаях мне приходилось что-то сокращать, просто, чтобы избежать повторов уже сказанного.

Оригинальные записи в дневнике, когда я их разбирал, часто казались мне краткими и загадочными — так я пытался их зашифровывать, чтобы в случае попадания дневника в чужие руки, никто ими не мог бы с лёгкостью воспользоваться. Но чтобы сам я впоследствии без труда мог вспомнить, о чём и о ком речь. Некоторые из записей дневника, как видно из текста, были расширены для ясности, другие такого не имеют».

Этими словами Джозеф Дэвис завершил вступление к своей книге «Миссия в Москву».

Предполагаю, что мой русскоязычный читатель не обидится на меня, что художественных преувеличений, романтических зарисовок и лирических отступлений от довольно сухого текста дневника посла будет немного. История, как любил повторять мой истфаковский декан, профессор В.Н. Худяков, наука точная. Так что отклоняться в лирику в ней можно лишь соблюдая условие «не переври авторский текст».

И ещё один нюанс: чтобы не перегружать тебя, дорогой читатель обилием кавычек, я оставляю только те, что были выведены пером Дэвиса. Цитаты из его дневника будут идти обычным шрифтом, а свои пометки, размышления, рассуждения и отступления я буду укладывать в курсив.

ЧАСТЬ I

МИССИЯ НАЧИНАЕТСЯ

Вашингтон, 16 ноября 1936

Президент в этот день подписал документ о назначении меня его послом США в Союзе Советских Социалистических Республик. В тот же день о назначении сообщено в прессе.

Наблюдательный читатель наверняка заметил словечко «его» в этой фразе, которое вроде бы не совсем вписывается в грамотный литературный перевод. Но фокус в том, что «его» есть у автора дневника. И оно здесь — не описка. А очень важное, я бы даже сказал, ключевое слово. Рузвельт назначил Дэвиса не просто послом США, а СВОИМ (или именно ЕГО, если так понятнее) послом Америки в СССР. Личным представителем президента в Москве. Его ушами, глазами, мозгом, способным не просто воспринять и передать происходящее в Вашингтон, но проанализировать, выразить СВОЁ отношение, которое может и не совпасть с президентским. Но ни в коем случае не подстраиваться под мышление Рузвельта. Президенту нужна объективная информация с места с комментариями, которые не сможет дать человек, не варящийся в московском котле. Поэтому — ЕГО ПОСЛОМ. С правом говорить президенту все, что думает. Ис индульгенцией на отпущение грехов, если хотите.

Вашингтон, 23 ноября 1936 г.

Принял присягу в кабинете государственного секретаря, в присутствии многих старых друзей. В их числе Пэт Харрисон*, Стив Эрли*, Джесси Джонс*, Дэн Ропер*, Миллард Тайдингс*, Джо Тумалти*, Дик Уэйли*, Лео Кроули* и

другие. Дети и Марджори тоже присутствовали, что доставило мне особое удовольствие.

Вашингтон 14 декабря 1936 г.

Присутствовал на обеде, который дал в нашу честь советский посол [Александр Трояновский] и мадам [Нина] Трояновская в своей резиденции. Превосходный обед и отлично подано. Мы оба [с женой] получили огромное удовольствие.

Вашингтон 15 декабря 1936 г.

Продуктивно побеседовал сегодня с Самнером Уэллсом* по поводу Советского Союза. У него большой и разнообразный дипломатический опыт. Считаю, что он дал мне много полезных советов, да и представил своё мнение относительно СССР и ситуации в нём.

Похоже, что вне рутинной работы, такой как продвижение американских интересов и защиты американских граждан, задачи моей миссии в Москву выглядят примерно так:

Во-первых, вести переговоры о возобновлении торгового соглашения с этой страной — срок действующего истекает в следующем году. Соглашение предусматривает закупки американской продукции советским правительством. Требуется урегулирование ситуации, возникшей из недоразумения, которое случилось в связи с так называемым долговым соглашением. Это было частью прежних переговоров между Президентом и Литвиновым, когда Соединённые Штаты признали СССР. Советское правительство отказалось выполнить то, что казалось его обязанностью — произвести определённые расчёты по российскому долгу перед США. Предстоит урегулировать эту проблему так, чтобы сохранить наше чувство собственного достоинства и восстановить дружеские отношения и сотрудничество с Советским Союзом. Особенно с учётом китайско-японской ситуации и вероятности начала мировой войны в Европе.

Мне надо хорошо изучить вопрос, насколько силён Советский Союз политически, индустриально и в чём состоит его стратегия отношений с Германией Гитлера и сохранения мира в Европе. Такие задачи моей работы в Москве я вижу пока отсюда.

Похоже, мне предстоит интересно провести там время, анализируя параллельно отношения, складывающиеся между Германией с одной стороны и Францией, Англией и остальной Европой с другой.

Нью-Йорк 30 декабря 1936 г.

Мы с Марджори пошли на прощальный ужин в отеле «Мэйфлауэр» (*Mayflower* — престижный отель в Нью-Йорке), организованный комитетом старых друзей, возглавляемым Генеральным прокурором Гомером Гаммингсом. Красивый жест моего старого друга Гомера, которому пришлось преодолеть некоторые трудности при организации мероприятия. Это было выдающееся собрание, на которое пришли большинство лидеров всех трёх ветвей власти независимо от партийной принадлежности. Меня это очень тронуло.

Собственно говоря, одним из не важных, но очень приятных последствий факта моего назначения был большой интерес к нему старых друзей, которые буквально завалили меня добрыми пожеланиями. На обеде были мои старые приятели из Федеральной торговой комиссии, включая всех тех, кто работал со мной, когда я был комиссаром Кордела при президенте Вильсоне.

Что меня удивило и действительно поразило, так это большой контингент, приехавший из Вашингтона, во главе со стариной Стивом Эрли (*следует перечисление из десятка имен и фамилий, которые на дальнейшее повествование влияния никакого не окажут, поэтому считаю возможным их опустить*). Многолетние партнёры по работе, ставшие на этой почве друзьями.

Вашингтон 2 января 1937 г.

Мы с Марджори неофициально поужинали с президентом и миссис Рузвельт в Белом доме. Президент был в на

редкость хорошей форме. После обеда мы с ним удалились в Овальный кабинет для получения мной последних инструкций по моей миссии. Принимая во внимание расхождение во взглядах между США и Советским Союзом на долговое соглашение, Рузвельт предложил мне вести себя дружелюбно, но сдержанно. Нам нужны хорошие отношения с СССР, но при этом необходимо демонстрировать, подчёркивать и намекать, что президент и госсекретарь глубоко разочарованы неспособностью (или нежеланием) их правительства выполнять возложенные на них обязательства. Мы, по мнению президента, должны всячески показывать, что не будем искать дальнейших переговоров — пусть Москва сделает первый шаг, ей это нужнее, чем нам

«Подожди, — сказал он, — и посмотри, что будет». В это время он думал, что для меня будет полезно приложить все усилия, чтобы получить всю информацию из первых рук, на основе собственных наблюдений. Оценить силу режима с экономической и военной точек зрения, а также попытаться понять, как они оценивают возможность возникновения европейской войны, и какова будет их политика в случае её начала.

Вашингтон, январь 1937 г. (точная дата не указана)

Был у советского посла Трояновского. Он высказал опасения, что моё пребывание в Москве может оказаться для меня некомфортным из-за прохладного отношения со стороны советских чиновников, проявляемого вследствие возникших разногласий или даже недоразумений между США и Советским правительством. Кроме того он отметил, что советское правительство знает о моём капиталистическом мировоззрении и в курсе моего профессионального и делового опыта, полученного в период работы при президенте Вильсоне в качестве председателя Федеральной торговой комиссии. Исходя из этого, в России надеются, что в оценке их ситуации я буду исходить из реальности и судить об их проблемах объективно и беспристрастно.

Он был совершенно прав. Я ответил ему, что не собираюсь прятать своё мнение за общие слова и хочу играть

в открытую. И надеюсь, что любые спорные вопросы могут быть решены за счет чёткого понимания позиции каждой стороны. Главным расхождением между правительствами был вопрос о долге. Я сказал Трояновскому, что работать буду по указанию президента и государственного секретаря. И лично я чувствую, что будет большой ошибкой правительства Советского Союза не разрешить недопонимание по вопросу долга. Это подрывает доверие, которое президент Соединенных Штатов и наше правительство высказывали относительно честности и надежности обещаний СССР.

Вашингтон, 4 января 1937 г.

Официальный ужин, устроенный в нашу честь японским послом Сайто и его супругой в их резиденции. Сайто — мой старый друг, мы с ним частенько играем в гольф в клубе Burning Tree («Горящее дерево»). Это был очень приятный жест с его стороны — устроить небольшую вечеринку, чтобы немного развлечься. Приглашение, честно говоря, меня сбilo с толку: я же собирался в Москву, а Япония и Советский Союз между собой почти не разговаривали. Поэтому я решил быть совершенно недипломатичным и задать Сайто вопрос в лоб, как это будет выглядеть со стороны [участие в вечеринке] и не мешает ли моей будущей деятельности. Он схватил суть сразу и сказал:

«Ничего страшного. Всё решается просто. Мы пригласим моего коллегу, советского посла Трояновского с женой».

То, что казалось мне проблемой, было решено в минуту. Мы провели приятный вечер. За кофе международные отношения были укреплены — этому способствовало обсуждаемое нами предложение создать международную группу гольф-клубов Burning Tree, похожую по конструкции на Rotary International. Ни у кого не было сомнений, что вашингтонское «Горящее дерево»* должно быть номером один в этой организации. Спор вышел, кто — Москва или Токио — будет номером два. Договориться не удалось, и мы в шутку решили передать это дело на рассмотрение в Лигу Наций.

Вашингтон, 5 января 1937 г.

Мой старый друг Оуэн Д. Янг, председатель Совета директоров General Electric Company сумел найти в своем напряженном расписании пару часов, чтобы поговорить со мной о России. General Electric сделал бизнес на миллионы долларов с «Амторг», официальным представительским учреждением Советского Союза в нашей стране. Янг сказал мне, что советское правительство имеет исключительно высокий рейтинг в банковских и деловых кругах Нью-Йорка и США в целом. Сказал, что русские имеют репутацию людей тщательно следящих за выполнением своих финансовых обязательств, всегда платят вовремя и даже раньше установленного срока.

General Electric поддерживает деловые отношения с Советским правительством уже десять или пятнадцать лет. Все это время, по словам Янга, Советы были скрупулёзными и быстрыми в своих платежах и выполняли свои обещания. Именно так они и создали себе превосходную репутацию в среде предпринимателей. Некоммерчески мыслящие люди и политики, имеют здесь, в Америке, о русских несколько иное мнение.

Берлин 14 января, 1937

Прибыл в Берлин и сразу же посетил с официальным визитом посла Уильяма Додда. С его подачи встретился с Яковом Сурицем, советским послом. Тот был весьма любезен. Он и его сотрудники к нам очень внимательны. Суриц говорит, что МИД (Литвинов) получил экспресс-указание Кремля (Сталина) относиться к новому дипломатическому представителю США со всей вежливостью и недопущением каких-либо трений, которые, возможно, существовали в прошлом. Москва не хочет, чтобы эти трения испортили отношения с новым послом. Я был рад это слышать.

Берлин 16 января 1937 г.

Мы остановились здесь на несколько дней. Посол и госпожа Додд устроили нам очень приятный завтрак. Ял-

мар Шахт (*президент Рейхсбанка*) и его жена, бывший посол Германии в Вашингтоне фон Гаффрон-Притвиц, посол Польши Липски и посол России и мадам Суриц, а также мой старый товарищ и сокурсник по университету Висконсина Луи Лохнер — хорошо посидели, без напряжения.

Довольно долго общался с руководителем «Русского бюро» в министерстве иностранных дел Германии. К моему удивлению, он заявил, что мои взгляды на устойчивость внутрироссийских политических условий и систему безопасности сталинского режима не совсем верны. Реальный Сталин, считает он, не соответствует тому образу, который укоренился у нас, и я свои взгляды вскоре пересмотрю.

В соответствии с договорённостью, достигнутой за завтраком, я позвонил Шахту в Рейхсбанк. Он договорился отрезать себя от всех телефонов и посетителей на пару часов и мы хорошо, по-деловому побеседовали. Шахт был очень расстроен проявлением якобы несправедливости к экономическим проблемам Германии со стороны Франции и Великобритании. И выражал своё восхищение американским президентом, называя его одним из величайших людей в мире и человеком, умеющим находить простые решения в сложных ситуациях благодаря «дружбе со здравым смыслом». В этом Шахт усматривал отличительную черту настоящего гения.

Берлин, 17 января 1937 г.

Вчера увидел в газете интересное заявление нацистов: «Мы ожидаем смены эпох, полного распада политической и социальной идеологий. С демократией покончено. Сегодня она — сознательно или несознательно — не что иное, как очаг инфекции, переносчица бактерий и проводник идей большевизма. Это — одна группа; мы — другая. Будущее перестанет держать коллективизм заложником неопределённой реакции масс. Мы будем знать точную реакцию народа и планировать её. Демократия — это песок. Зыбучий песок. Наш государственный политический идеал — скала-гранит».

Мне это кажется довольно кратким, ясным и угрожающим заявлением об отношении Германии к миру. Это страшно.

Боюсь, что это указывает на подъём духа завоевателя, а не на желание жить мирно.

Вечером пил чай с послом России и увидел у него красивые русские картинки. Особенно тронули «снежные» рисунки — сделаны в старинном стиле. Чувствуется, писали настоящие русские мастера.

Этот чай был не какая-нибудь званая дипломатическая трапеза — обычный легкий перекус для поддержания возникших контактов. У дипломатов тоже бывают рядовые посиделки.

Советское посольство размещено в здании необычайно старого режима: красивые, большие комнаты, высокие потолки, все по-королевски.

Посол (*Яков Суриц*) — старый интеллигент-революционер, глубоко увлеченный, рассудительный и интересный. Они с супругой отвезли нас к поезду этой промозгло-холодной ночью. Нам пришлось буквально броситься на посадку, едва он остановился — стоянка была почему-то предусмотрена очень короткая, а желающих уехать оказалось много, но нам удалось сесть быстро в своё купе и почти тотчас же отключиться.

Поезд понёс нас в Варшаву.

В поезде 18 января 1937 г.

Холодная, унылая страна, эта Польша, через которую мы проезжаем.

Джон Кадахи* приехал на вокзал, увидеть, как мы проезжаем Варшаву. Ему, похоже, здесь нравится.

Поезд чистый, но довольно серый. В вагоне-ресторане холодно, а в купе не слишком комфортно.

Граница с СССР. Позже

Советник посольства Лой Хендерсон* встретил нас в приграничном городе Негорелое. Все говорили мне, что

он — могучего телосложения прекрасный человек и великолепный кадровый офицер. Для меня его физические данные остались на заднем плане, я в первую очередь считаю его человеком скромным и интеллектуально развитым. Он мне нравится, и я уверен, что у нас все получится.

Бедный Хендерсон, выглядел он неважно, говорит, что накануне съел «что-то некачественное» (по его словам, здесь это — обычное дело) и потому с утра, как говорят русские, «болеет», но пытается демонстрировать, что он бодрячком.

(Дальнейшее изучение записей Дэвиса показывает, что Хендерсон просто-напросто испытывал жуткое похмелье — нахватался русских привычек, влияние окружающей среды... Чем там они ещё любят объяснять свои проколы? С кем поведешься, как говорится...)

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОССИИ. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Москва 19 января 1937 г.

Сама Москва стала настоящим сюрпризом. Конечно это красивый старый город, но в дополнение к этому: постоянное движение на улицах, большое количество строящихся зданий, удобная одежда, которая кажется довольно распространенной... Меня это очень сильно удивило. Нет никаких сомнений в том, что здесь привычен быстрый темп во всем и эти люди, кажется, делают успехи на бегу и испытывают удовольствие от движения.

Спасо-хаус. Американское посольство

Мы, все вновь прибывшие, были приятно удивлены резиденцией посольства. Кажется, даже русские его называют, как мы — Спасо-хаусом.

По словам г-на Хаддла, почтового инспектора Госдепартамента, это одно из лучших наших посольств и заслуживает самой высокой оценки не только за внешний вид, но и по результативности работы в Европе.

Дом справа напротив — довольно необычная (для Москвы) обстановка: с очень приятным маленьким парком. Ещё правее красивая старая церковь, от ветхости которой становится больно на душе и которая фонит трагедией. Прямо в ней живёт большое количество семей. Судя по одежде — малого достатка. Всё как-то неухожено — им не до красоты и стерильности. Здание между церковью и Спасо-хаусом — это то, что раньше было очаровательным старым дворцом. Бывший городской дом какого-то русского дворянина, но и здесь чувствуется трагедия, потому что все это тоже разрушено, занято семьями рабочих и солдат.

Тот же день, позже

Представление верительных грамот Форин-офиса

Литвинов в это время находится в Женеве и его несколько дней не будет в Москве. Было условлено, что я должен незамедлительно подтвердить свои полномочия его первому помощнику Крестинскому*. После посещения Крестинского, я также обратился к господину Стомонякову*, второму заместителю наркома, который произвел на меня впечатление гораздо более благосклонное, чем Крестинский.

Крестинский — незаметный человечек в профессорских очках и с отталкивающим лицом. Он выглядит каким-то типом, тайно работающим на кого-то. Не знаю, на кого, но я бы не стал такому доверять. И не буду.

Москва, 19 января, 1937 г.

ВЫСОКОЧТИМОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ
ОТЧЕТ ПОСЛА ДЭВИСА
Строго конфиденциально

Сэр!

Имею честь сообщить, что перед отъездом из Соединённых Штатов я провёл несколько встреч с г-ном Трояновским, советским послом в Вашингтоне. На первый взгляд, эти конференции были социального характера. В последний раз Трояновский (говоря от себя лично, а не от име-

ни государства) выразил опасения, что моё пребывание в Москве поначалу может заставить нервничать какого-нибудь влиятельного советского чиновника. Это проистекает из существующих разногласий и недопонимания, которые, как он слышал, возникли между Литвиновым, народным комиссаром иностранных дел и послом Буллитом*. На это я, конечно, ответил, что искренне сочувствую Буллиту, понимая, сколь огромное разочарование он испытал, прочувствовав на себе неспособность советского правительства жить в соответствии с тем, что мне казалось простым обязательством.

Я препятствовал развитию этой темы в разговоре, выразив надежду, что моя миссия поможет улучшить отношения между двумя странами.

В предыдущей беседе посол Трояновский также предположил, что мы сможем скорректировать и сгладить некоторые противоречивые вопросы прошлого и путём прояснения некоторых из них достичь удовлетворения обеих сторон.

В том разговоре я откровенно коснулся того, что мне показалось прискорбным фактом. А именно: когда очень великий человек, президент Соединённых Штатов, соглашается в принципе с представителем советского правительства на широкомасштабное урегулирование, условия которого были хорошо известны всем сторонам и, на мой взгляд, были однозначно понятно изложены в письменном меморандуме, но договор не выполняется. Сложившаяся ситуация указывает, по моему мнению, на попытку со стороны Советского Союза несущественными деталями, штрихами и нюансами уничтожить в принципе соглашение, которому СССР ранее был привержен.

Я не стал в разговоре с советским послом подробно останавливаться на этом, поскольку считаю данный вопрос для Америки относительно незначительным, а для Москвы очень важным. Поэтому подчеркнул первостепенное значение соглашения США — СССР для русских и закрыл тему. Подчеркнув, что американское либеральное общественное

мнение в целом симпатизирует русскому народу, особенно ввиду неопределённости международной обстановки.

(Витиеватость и многословность языка, которым Дэвис излагает свои отчёты, направленные в Госдеп, иногда утомляют. Но это — американский дипломатический язык, которым он пишет с удовольствием, а у меня, дорогой читатель, не всегда есть возможность заставить его выражаться конкретно и покороче, не потеряв при этом его стиль. Так что временами придётся потерпеть этот словесный поток, вылавливая в нём термины, отражающие суть).

На протяжении всей этой дискуссии я больше слушал, чем говорил.

В Берлине я несколько раз побывал в немецком бюро Форин оффиса. Все разговоры, которые там мной велись, носили неформальный и неофициальный характер. Отчёт о моей неофициальной беседе с герром Шахтом я направил, кодовым посланием.

19 января 1937 г. Дорожные впечатления

Мы выехали из Берлина ровно в час ночи и прибыли в Негорелое на границе с Россией на следующий вечер. Поездка на немецком поезде первого класса до границы указала на некоторое ухудшение обслуживания по сравнению с тем сервисом, который был у немцев несколько лет назад. Литерный вагон из Негорелого до Москвы определенно превосходил по качеству предложенное немцами: все было безукоризненно благоустроено, разве только дорожное полотно было неровным — на ходу покачивало. Здание железнодорожной станции на российской стороне новое, выглядит аккуратным и солидным. Впечатляет. Чиновники были вежливыми, внимательными и предупредительными. Секретарь Хендерсон встретил нас у первого метра советской территории, вполне вероятно, что такую встречу он готовил заранее, но зачем именно так — мне не объяснил. На следующее утро в 11.30 мы прибыли на Белорусский вокзал Москвы. Деревни через которые следовал наш поезд утром, все в строительных лесах. Эта страна, ка-

жется — одна большая стройка. Люди на вокзалах выглядят приветливыми. Одеждой своей эти горожане не слишком отличаются от тех деревенских жителей, что мы видели, как только въехали в СССР. Это всё совсем не так, как в Штатах.

На вокзале в Москве нас встретил г-н Барков* из протокольного отдела Наркомата иностранных дел, который сопровождал нас в резиденцию посла (Спасо-хаус). Дом был пуст и немного обветшал с тех пор, как из него выехал посол Буллит. Но благодаря стараниям миссис Дэвис он снова ожил.

Г-н Барков, начальник протокольного отдела Народного Комиссариата иностранных дел, сообщил мне по прибытии (утром 19 января), что в отсутствие г-на Литвинова, находящегося в Женеве, его помощник г-н Крестинский будет рад принять меня в 15.00 того же дня.

Сопровождаемый мистером Хендерсоном, первым секретарём посольства, я в назначенный час был принят г-ном Крестинским, в кабинете которого присутствовал г-н Нейман*, начальник Третьего Западного политического отдела наркомата иностранных дел. Этот отдел занимается американскими вопросами. Я передал г-ну Крестинскому мои верительные грамоты и приветственное письмо государственного секретаря США. Копия верительных грамот остались у него, как и записка с просьбой о встрече с г-ном Калининым*, чтобы представить отзывные письма моего предшественника и его верительные грамоты.

Он сказал, что в связи с тем г-н Калинин занят на заседаниях Всероссийского Съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов, он сможет меня, возможно, принять 23 или 25 января. Я ответил, что спешить нет необходимости и мне не хотелось бы причинять г-ну Калинину неудобства, особенно с учётом того, что мои вопросы могут быть решены простым нажатием кнопки.

В сопровождении г-на Хендерсона и г-на Неймана я проследовал к г-ну Стомонякову, второму помощнику наркоминдел, который занимается вопросами Дальнего Востока, Ближнего Востока и Восточной Европы. Он также принял нас очень любезно.

Последнее заседание Конституционного съезда РСФСР (так Дж. Дэвис называет январский 1937 года Всероссийский Съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов, на котором была принята Конституция РСФСР, действовавшая до 1978 года) должно состояться 21 января и, по моей просьбе г-н Барков из протокольного отдела МИД обещал организовать нам присутствие на нём. Отчёт о моих впечатлениях от съезда прибудет в следующем пакете.

Я не могу завершить этот отчёт, не выразив признательность группе сотрудников американского посольства за их быструю и эффективную помощь, которую они мне оказывали.

Честь имею, сэр,
С уважением,

Джозеф Дэвис.

Москва 20 января 1937 г.

Спал допоздна. Отправил поздравительную телеграмму президенту с инаугурацией. Весь день потратил на организацию моего офиса. Закончил, сортирую бумаги, готовлюсь к работе.

Вечерний приём-фуршет для газетчиков и их жен в посольстве. Жены — привлекательные и прекрасные дамы. Миссис Джо Барнс* нас очень впечатлила: она с виду тихая и сдержанная, но по каждому случаю имеет своё мнение, часто резкое и готова его отстаивать без всяких компромиссов. Она намного радикальнее, чем её муж, я об этом был информирован.

Рассудительный Демари Бесс* и его маленькая прекрасная жена Дороти выглядят консерваторами от природы, а Джо и его супруга — такие же естественные радикалы. И Барнс, и Бесс — люди необычайных способностей, оба честные мыслями, но с диаметрально противоположной врожденной точки зрения. Деуэлс и Чарльз Натер* не слишком радикальны и консервативны, но очень умны и увлечены. Мне очень жаль, что Джо Филипс* уезжает. Он знает Россию. Он дал мне почитать свои заметки. Это настоящее научное исследование колхозов, сделанное на земле, не в ка-

бинете — в ходе поездки по Украине в прошлом году. Они имеют реальную ценность как передающие фактические наблюдения исключительно способного и обученного наблюдателя, исследователя и журналиста в это критическое время. Мы поговорили о России. Обсуждение было жарким и тяжёлым, но не утомительным. Это был прекрасный прыжок прямо в водоворот СМИ — деловой и полезный. Все они мне нравятся. Я думаю, мы отлично поладим.

Москва 20 января 1937 г.

Совершил свой первый официальный протокольный визит британскому послу, виконту Чилстону*. Посольство красиво расположено на берегу реки, напротив Кремля, и это красивый старинный дворец. Посол выглядел дружелюбным и сердечным. Он произвёл на меня впечатление очень уравновешенного, здорового человека. Этот человек сделал выдающуюся карьеру в британской дипломатии. До Москвы он работал в Вене и Будапеште.

Он считает, что советское правительство сидит крепко, хотя европейская ситуация выглядит ненадёжной и не очень хорошей. По-моему, он очень хотел, чтобы я почувствовал его расположение и сказал мне, что я могу ему звонить в любое время, когда свободен. Я поблагодарил его и сказал ему, что у США и Великобритании интересы совпадают, и потому нет необходимости все фиксировать официально — всегда можно найти параллели в нашем движении: у нас общий язык, во многом сходное административное устройство, так что опасность недопонимания была минимальной.

КРЕМЛЬ И ЗАПРЕТЫ ДИЕТЫ

Москва. 21 января 1937 г.

Уважаемому Марвину Макинтайру*

Дорогой Мак!

Москва — красивый старинный город. Кремль внушительный и обворожительный. Он окружен кирпичной

стеной высотой 30-40 футов с резным верхом, в котором сделано что-то вроде отверстий для стрел в защитных башенках. Фасад с одной стороны отчетливо французский и феодальный с акцентом восточного влияния. Купола и минареты трёх церквей увенчаны звездой и чем-то, напоминающим полумесяц, русские называют его серпом.

Доктор Банкли, врач нашего посольства, дал нам список того, что нам можно есть и чего следует избегать на дипломатических обедах. Говорит, что тут много заразы в продуктах питания, так что практически всё — табу.

Здесь нет ничего кремообразного за исключением мороженого (*Дэвис не отказывает себе в удовольствии поиграть созвучными словами *cream* и *ice-cream**), и овощей, которые безопасны, так что совет Билла Буллита был полезен во всех отношениях, и особенно здоровым выглядит его рекомендация приносить запас еды с собой.

Прекрасная погода. Воздух свежий, чистый, без ветра. Снег и даже воздух приятны и свежи на ярком солнце — сияют деревья, сверкают ослепительной белизной, цепляющейся за ветви.

Москва 21 января 1937 г.

В 12.45 благодаря любезности Министерства иностранных дел мы посетили итоговую сессию Конституционного съезда.

После этого сели изучать рекомендации по питанию от наших докторов.

Нам советуют пока мы не пробудем здесь достаточно долго, чтобы в достаточной степени иммунизироваться:

Не пить некипяченую воду из-под крана.

Не пить молоко или сливки.

Не есть молочные продукты местного производства (мороженое, масло, сметану и т.д.).

Не есть сырые овощи.

Не есть консервированные овощи, если не уверены твёрдо, что они из США.

Не употреблять редкое (незнакомое) и недожаренное мясо, а также любые сосиски.

Надо быть очень осторожными с рыбой (по двум причинам: рыба может быть не очень свежей, а также рыбный цепень очень распространен в Европе).

Не есть фаршированную рыбу.

Безопаснее всего по еде — британское посольство.

Французское — следующее.

Все остальное под вопросом, так как зависит от местных продуктов.

Неудивительно, что у посольского штата здесь есть свой уполномоченный по снабжению продуктами.

Заседание Конституционного съезда произвело впечатление. Нас поместили в ложе для почётных гостей. Было необычайно интересно. Зал новый, выглядит внушительно. 2000 или более делегатов на рядах. В президиуме на возвышении — человек 40. Казаки (мужчины и женщины). Человек 400 или 500 крепких мужчин прохаживаются по территории Кремля.

Москва, 25 января 1937 г.

Уважаемому Стивену Эрли

Дорогой Стив!

Нам очень повезло, что мы успели посмотреть заседание Конституционного съезда крупнейшей автономной единицы Советского Союза.

Съезд проходил в Кремле. Зал, в котором он прошел — потрясающий. 400 футов в длину, 80 или больше — в ширину, с очень высоким потолком. С одной стороны вытянуты дипломатические ложи, там, где обычно располагается бельэтаж.

Другая боковая стена состоит в основном из очень больших красивых окон шириной около 8 футов и высотой от 30 до 40 футов. Освещение — люстры модернистского плана (простые, но красивые) из матового стекла. Зал оформлен в бело-голубых тонах.

В конце его — приподнятая примерно на 8 футов платформа, на которой сидели от 40 до 50 государственных сановников. Председательствовал Калинин. Сразу под

этим — трибуна, куда поднимались выступающие. Ниже — столы стенографисток (их было три). Проходы заполнены бесчисленным количеством фото- и кинооператоров, газетчиков, осветителей. Вокруг расставлены микрофоны.

Весь зал заполнен чем-то вроде скамеек и в задней части каждого ряда — откидывающийся столик-пюпитр. В зале сидят 2800 делегатов, у каждого — копия текста Конституции. Позади них — галерея с примерно тысячей зрителей. Зрелище внушительное. Сами люди тоже интересны. Среди них я увидел несколько монгольских лиц. Лица были большей частью молодые, и хотя на вид я бы не назвал их интеллектуальными, но в целом они кажутся умными и деятельными.

Делегаты — городские и деревенские мужчины и женщины — все удобно одеты и с уважением к себе. Около 25% составляли женщины. Некоторые из них носят белые шали, другие — свитера ярких цветов. Когда они читают свои копии Конституции, на их лицах читается решимость — они готовы голосовать. Мужчины на платформе отличались большей интеллектуальностью по внешнему виду. Наркомы обороны и транспорта, глава кавалерии — все в военной форме. Другие — в штатском, в том числе женщины в черных платьях и с белыми воротничками.

Перед голосованием было три выступления: двух мужчин и одной женщины, никто из них — не старше 40 лет. Все они показались мне драматическими личностями: в выступление вкладывали много ораторских сил. Они заводили и самих себя и зал, который периодически прерывал их аплодисментами и устраивал овации в конце. По-моему хлопали именно в порядке выставления оценки ораторскому мастерству.

Женщина-оратор возглавляла делегацию с Кавказа. Казаки были в своих живописных мундирах. Треть женщин были в костюмах из блестящих атласных юбок и белых кофточек с живописными шальями на голове и плечах. Это было настоящее шоу. Третий оратор был молодой человек 28 или 30 лет. У него атлетическое лицо и много огня в душе. Он был главой нескольких молодёжных групп и пе-

ред его речью разыгрался очень драматический спектакль. В задней части зала примерно на 10 футов выше пола перед галереей стояли восемь горнистов в небесно-голубой авиационной форме. Под звуки их серебряных рожков, в задней части зала и вверх по каждому из четырех проходов выстроились человек 400 молодых людей со знаменами, и штандартами в разноцветной униформе. И у женщин, и мужчин бросалась в глаза военная выправка. В каждом проходе стоял свой род войск — военные моряки, химические войска, парашютисты... Был даже один рекордсмен по прыжкам с парашютом.

Под размахивания знамён выступающий вбросил в зал пламенную вдохновенную речь, то и дело срывавшую аплодисменты. Затем под рёв горна они двинулись на выход, сопровождаемые восторженными аплодисментами. Это было здорово сделано и смотрелось очень эффектно.

Голосование по Конституции проводилось по каждой статье отдельно. При голосовании вручную каждый делегат поднимает красную карточку — это значит «да». Когда голосование было завершено, зал долго аплодировал, приветствуя сановников. Потом небольшая группа в задней части зала запела коммунистический гимн. Постепенно его подхватили остальные, и хором, не сбиваясь с темпа и без дирижёра зал спел несколько куплетов. Мелодия была типично русская с преобладанием минорных ноток. Каденция звучала медленно и величаво. В отличие, например, от «Марсельезы». Голоса исполнителей мне показались жёсткими, но партии выглядели гармоничными и с довольно отчетливо проступавшими тенорами и контральто. Это была очень трогательная вещь, оставившая впечатление силы и серьезности.

Мне сообщили, что цели подобных распеваний — образование и подготовка политических активистов, которые со съезда вернутся домой на заводы и будут обучать тамошних работников всему тому, чему их научили здесь.

Марджори шлёт поцелуи твоим детям и нежные приветствия твоей Хелен.

Как всегда.

(Описывая впечатления от заключительного дня съезда, Дэвис перескакивает с одного впечатления на другое, время от времени возвращаясь к уже освещённой теме, но с дополнениями, будто убежав мыслями далеко вперёд, вдруг неожиданно спотыкается о какое-то воспоминание, которое, считает он, необходимо занести в дневник или письмо старому другу. При этом поставить вспомнившееся на свое логическое место уже не получается — аккуратист-посол не любит кляксы и вымарывания — а переписывать заново лист нет охоты, да и времени. Сбрасывает всё в кучу в той последовательности, в какой вспоминается. Возможно с обещанием самому себе — дойдут руки, всё расставлю по местам. Но в итоге публикуются через несколько лет дневники без всякой коррекции. Так лучше передаётся ситуация: насыщенная событиями жизнь, плотность которой не позволяет остановиться-отдышаться и что-то изменить-отреставрировать-отполировать потом).

Москва, 25 января 1937 г.

В дипломатическом корпусе есть большое волнение по поводу следующего факта: что-то около семнадцати старых большевиков судят в Верховном суде СССР по обвинению в государственной измене. Они называют этот процесс «Суд над Радеком». Карл Радек — очень известный публицист и блестящий человек, у которого много друзей за границей. Судебный процесс открылся сегодня утром, и мне сказали, что проходит он в Доме Союзов, здании, которое при прежнем режиме называлось Благородным собранием и служило местом общения московской знати.

В 12 часов дня в сопровождении советника Хендерсона я пошел на это испытание. Специально были приготовлены билеты для дипломатического корпуса в ложу для приглашённых. Судебный процесс длился до 3 часов дня, после чего наступил перерыв до 18:00. Я побывал и на вечерней сессии с шести вечера до половины одиннадцатого. Для меня это было особенно увлекательно и интересно. По окончании вечернего заседания газетные репортёры,

так же как и я, двинулись в буфет за пивом с бутербродами. Они с удовольствием уступают мне дорогу, понимая, что я гость, и помогают ориентироваться в ситуации.

Москва, 25 января, 1937 г.

Согласно протоколу, весь персонал посольства был обязан сопровождать меня в Кремль по случаю вручения моих верительных грамот. Все они были официально представлены президенту (Калинину). Затем мы (я и он) удалились в его офис для разговора тет-а-тет.

После церемонии для меня и всех сотрудников посольства русские устроили очень хороший обед.

Икра, икра везде и ни одного яйца, кроме как на столе комиссаров!! Мы просто не могли этого понять, почему! Я за обедом ненавязчиво поднял эту тему — мне сказали, что так принято, мы же гости.

Джон Д. Стамм, мой личный секретарь, сделал хорошие фотографии с этого обеда в большом зале.

ОТЧЕТ ПРЕЗИДЕНТУ ПО ВОПРОСАМ ДОЛГА И ВСТРЕЧЕ С КАЛИНИНЫМ

Москва, 25 января, 1937 г.

ДОСТОПОЧТЕННОМУ
ФРАНКЛИНУ Д. РУЗВЕЛЬТУ

Уважаемый господин Президент!

К счастью, обычай выступать с официальными речами на процедуре представления верительных грамот отменён. У меня было двадцать минут с Калининым. Его приветствие было сердечным, и когда я сказал ему то, что вы лично говорили о нём, он захотел непременно ответить любезностью со своей стороны. И чтобы я её вам передал, выразив словами «приветствую вас, очень великий человек». Встреча была радушной.

Он заявил, что считает, что в разнице взглядов наших стран на одни и те же вещи всё имеет значение, но всё мо-

жет быть скорректировано. Мой ответ был нашей домашней заготовкой: я выразил искреннюю надежду на то, что обе стороны подойдут к вопросу ответственно и с пониманием. Я сообщил, что наши предложения были спроектированы президентом США, и что я буду рад заняться делом по возвращении Литвинова в удобное для него время. Я стремился создать у них впечатление, что для нас это дело не столь большой важности, как для них. Калинин выразил удовлетворение тем, что, по его мнению, моя профессиональная подготовка достаточна для того, чтобы судить обо всём объективно и вне зависимости от того, что я, предположительно, мог бы слышать из дипломатических источников о враждебном характере Москвы.

Жду возвращения Литвинова, чтобы посмотреть, будет ли он затягивать долговой вопрос. Есть сведения, будто бы они вообще хотели бы забыть об этом спорном моменте. Если это окажется действительно так, буду придерживаться установленных вами направлений ведения переговоров.

С большим уважением,

Искренне ваш Джозеф Дэвис.

Москва, 25 января, 1937 г.

ПРЕЗИДЕНТ КАЛИНИН О СОВЕТСКИХ УСЛОВИЯХ
ДОСТОПОЧТЕННОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ
ОТЧЕТ ПОСЛА ДЭВИСА
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МОИХ ПОЛНОМОЧИЙ МИСТЕРУ KALININ
Строго конфиденциально

Сэр!

Имею честь сообщить следующее со ссылкой на официальное вручение верительных грамот Президенту Калинин.

Президент, г-н Калинин, принял меня в своём офисе, сел за стол и предложил мне стул. Так, чтобы я сидел лицом к г-ну Крестинскому с г-ном Нейманном. Присутствовали еще двое: г-н Уншлихт*, секретарь Союзного Совета Центрального Исполнительного Комитета, и г-н Хацкевич*, секретарь Совета Национальностей Центрального исполнительного комитета.

Президент Калинин предложил мне сигарету, и я поблагодарил его по-русски словом «спасибо», которое вызвало смех. Я сказал, что хотел бы выразить от себя лично, моей семьи и персонала посольства признательность советской стороне за любезность, проявленную советскими служащими на границе, а также помощь во время путешествия по советской территории до Москвы. Я подчеркнул, что это было комфортно и приятно. Затем я представил документ об отзыве моего предшественника и мои собственные верительные грамоты.

После чего я заявил, что моё правительство через секретаря г-на Халла, пожелало передать привет г-ну Калинину и добрые пожелания от всего сердца. Добавив, что перед отъездом у меня была беседа с президентом Рузвельтом, и что он упомянул президента Калинина лично. Г-н Калинин выразил удовлетворение тем, что его упомянул наш «великий президент», и заявил, что разногласия между странами [по долговым обязательствам СССР перед США] могут быть урегулированы к удовлетворению обеих сторон. На что я немедленно отреагировал, сказав, что тоже на это надеялся и в это верил.

Я заявил, что не являюсь профессиональным дипломатом и привык говорить прямо, без сглаживаний углов и без посредников. Калинин мне ответил, что их правительство основывается на народной поддержке и что их лидеры тоже предпочитают говорить прямо и открыто.

После этого я сказал, что нашему правительству повезло, потому что мы формировались, прикрытые от угроз других государств океанами, и потому привыкли к прямой дипломатии. Тогда как европейская дипломатия всегда находилась под прессом учёта интересов многих наций, национальных страхов или амбиций.

Калинин заметил, что Россия не боится внешней агрессии, потому что уверена, что её народ сумеет защитить её и себя от любого врага. Затем он добавил, что надеется, что мои впечатления от пребывания здесь будут благоприятными, а я сообщил ему, что Москва, на мой взгляд, очень

красивый город, что в ней повсюду заметны строительство и прогресс, а люди выглядят приветливыми и постоянно заняты своими мыслями.

Калинин подчеркнул, что пока то, что производится, расходуется быстрее, чем они рассчитывали, но русское правительство надеется, что добьётся ускорения развития своей промышленности и полностью удовлетворит спрос населения.

Затем он заявил, что они рады видеть посла, который будет иметь объективный взгляд на ситуацию, наблюдая её собственными глазами и не торопиться выносить своё суждение до тех пор, пока все факты не будут взвешены, оценены и рассмотрены в проекции на перспективу.

Затем он намекнул, что я могу быть впоследствии удивлён и поменять своё мнение о людях, которые мне поначалу могли показаться слишком холодными в общении. Он заявил, что не следует делать поспешных официальных суждений и выводов — они могут оказаться ошибочными.

«Это, например, то же самое, что увидев однажды пьяного на улицах Москвы, решить, что все русские — алкоголики. А ведь это не так», — резюмировал он.

Калинин выразил надежду, что американский посол увидит как можно больше из того, что они делали и пытались сделать для людей и оценит это по справедливости и объективно.

На это я ответил, что, хотя и являюсь продуктом индивидуалистической и капиталистической систем, я всю свою жизнь много работал, и мои симпатии всегда были на стороне простых людей, которых я знал. И могу заверить их, что моя цель состоит в том, чтобы попытаться увидеть всё непредвзято, прийти к выводам объективным и сообщить о них моему правительству. Что в этом они могут быть уверены в моём следовании именно такой схеме, и это не только моя цель, но результат тренировок моего ума и обобщения моего многолетнего прошлого опыта.

Честь имею, сэр.

С уважением Джозеф Дэвис

Москва, 25 января 1937 г.

Калинин живет в Кремле. И прихожая, и его кабинет, в который меня провели, были аккуратны и просто обставлены. Калинин, похоже, хороший типаж русского. У него серьёзные глаза и простая, добрая манера вести себя. Считается, что он очень популярен среди советских людей.

Начинал он рабочим на одном из литейных заводов. Он во всех смыслах удобный, как пресловутый «старый башмак». Калинин произвёл на меня впечатление доброго, хорошего и очень способного человека.

Калинин в описаниях Дэвиса имеет совершенно не такой образ, к которому мы привыкли за многие десятилетия чтения различных материалов о нём. И при жизни и после неё, в период развитого социализма (позднее названного эпохой застоя отъявленными перестройщиками) и в эру нормализации ощущения российской истории (начавшейся в нулевых годах XXI века) Михаил Иванович представлялся таким бойким добродушным старичком. Из которого могли вить верёвки все, кому не лень.

Детишки видели в нём этакого Дедушку Мороза, которого можно попросить о чём угодно с гарантией, что он всё беспрекословно выполнит, каким бы чудом это ни представлялось. Взрослые дяди-политики думали, что Всероссийским (по определению Троцкого), а позднее и Всесоюзным Старостой можно помыкать, не задумываясь о возможном прилёте ответки. А сам Иосиф Виссарионович выставлялся по отношению к Калинин у каким-то паханом, измывавшимся над интеллигентом-терпилой и таская того за бороденку (да-да именно за бородёнку, а не за бороду).

И вот — взгляд американского гостя. Человека, не ангажированного никакой частью российской-советской государственной или оппозиционной пропаганды. Калинин предстаёт добрым, но уверенным и достаточно жёстким руководителем, знающим цену себе и своему слову, умеющим тихим голосом проводить свои решения, так, что

их даже никто и не пытается обсуждать. Честное слово, иногда чтобы оценить политика-соотечественника надо послушать вменяемых людей из-за границы.

НЕГОТОВНОСТЬ ФРАНЦИИ

Москва, 26 января 1937 г.

Пресса сообщает, что Поль Рейно приводит некоторые интересные и доступные ему в Париже факты о военных силах в Европе. По его словам, фактор скорости на стороне Германии у неё уже 2000 самолетов, у Италии — 1900, в то время как во Франции только 1300. Пока сделано немного; Франция имеет один свой бомбардировщик против двух немецких. Против нескольких сотен французских танков у Германии и России их тысячи. Мне кажется, что все говорят о неизбежности европейской войны, но никто за исключением Германии и России, похоже, не воспринимает это серьёзно.

Мой главный источник текущих новостей — коротковолновое радио. Я слушаю его ежедневно, делаю заметки, чтобы иметь представление о европейских событиях.

Москва 27 января, 1937

В час дня я позвонил Сигэмицу, японскому послу. Он хромым, но очень способный человек. Он долго рассказывал мне о «шанхайском инциденте», когда во время дипломатической службы в Китае в 1931—1932 гг., стал жертвой нападения корейского боевика и потерял ногу. Он с благодарностью отзывался об американском после Нельсоне Джонсоне, который оказал ему большую помощь в тот момент.

С 16:00 до 17:00 прогулялись по Кремлю с Марджори. Сегодня мы ходили в один из музеев смотреть специальную выставку Рембрандта. Там было более тридцати полотен, в том числе «Блудный сын», «Рождество» и многие другие. Это было довольно необычно. Мы также посетили Третьяковскую галерею. Замечательные картины Лени-

на кисти Герасимова*. Суриков — необычайно оказавшаяся большим картина «Переход Суворова через Альпы» и др., Шишкин — снежные картинки. Пошёл в комиссионный арт-магазин и провёл рабочий день, осматривая полотна современных советских художников. Они увлекательные.

Москва, 28 января 1937 г.

Начались официальные звонки: китайским, немецким, персидским, британским коллегам. Обедал с послом Турции. (Судя по всему американский дипломат не успел еще перестроиться и называет иранцев персами: Реза-шах Пехлеви только в 1935 году повелел звать возглавляемое им государство Ираном — то есть «страной ариев», как её испокон веков называли коренные её жители. Персией, кстати, её называли греки. Есть устоявшееся мнение историков, что возврат к «Ирану» от «Персии» случился с подачи иранского посла в Германии, попавшего под влияние нацистов, которые, как мы помним, тоже называли себя арийцами. Как бы то ни было, а Джозеф Дэвис в своих дневниках продолжает и в 37 называть иранцев персами. Хотя может быть, он пользуется этот термин только для внутреннего употребления, а в дипломатических разговорах произносит всё, как того требует этикет. Называет же он, в конце концов, в своих записях Советский Союз очень даже часто Россией, хотя прекрасно знает, как юридически верно называть СССР).

После обеда мы с Марджори снова пошли в центр, чтобы посмотреть ещё одну выставку современной русской живописи в одном из художественных салонов. Мы провели там интересные два часа. Зарезервировали несколько увлекательных творений маслом (снег, революция и т. д.) для коллекции Университета Висконсина, в которой я участвую.

Москва 29 января 1937 г.

Выдержки из письма посла Дэвиса губернатору Ла Фоллекту от 9 марта 1937 г. по поводу передачи коллекции в университет:

Дорогой Фил!

С тех пор, как я приехал в Россию, в моей голове витала мысль, относительно которой я хотел бы спросить твоего совета.

Русская живопись необычайна своей энергией образов, силы и цвета. Вообще говоря, это не характерно для утончённых мастеров, прошедших обучение в других школах, но, тем не менее, русские делают отличные картины. Меня всегда больше интересовала история, которую картина рассказывает и впечатление, которое она производит на чувства. Интерес к технике исполнения у меня почти нет.

Итак, я собрал несколько картин. По большей части они — оригиналы. В некоторых случаях это копии. Художники работают здесь на государство, как ты знаешь, но я получил разрешение властей заказать в некоторых случаях дубликаты оригиналов, сделанные одними и теми же художниками. Моя цель состояла в том, чтобы создать группу картин, которые более или менее покрывают различные сферы деятельности и жизни страны: люди, солдаты, события из революционного движения, строительство этих великих заводов и жизнь в глухих уголках России.

Мне пришла в голову мысль, что это может быть интересно для Университета Висконсина — поместить русские картины в коллекцию. И я думаю передать их туда. Подборка полотен состоит из исключительно талантливых работ, но мне кажется, что здесь важнее другое: в каждой картине отчетливо виден взгляд художника на изображаемую им действительность. И это, на мой взгляд, может формировать к произведениям советских живописцев какой-то особый интерес.

К высшему типу живописи я бы отнёс русские иконы. Они исключительны и невероятно уникальны (*словосочетание с точки зрения лингвистики неуклюжее, но зато чувства выражает куда сильнее, чем любое «узаконенное» нормами языка выражение*). Они были отобраны ведущими экспертами по иконам, работающим с советской властью и, особенно, с Третьяковским музеем. Они рассказывают лучше, чем, что бы то ни было, о различных исторических периодах России.

Выдержки из официального объявления губернатора Ла Фоллета о принятии коллекции в мае 1937 г.:

Посол Дэвис подарил университету свою коллекцию. Это выдающийся художественный вклад в университет Висконсина и особенно ценится из-за имени дарителя.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ РАДЕКА

Москва 29 января 1937 г.

В 11.00 позвонил министр (*наркоминдел Максим Литвинов*) хороший добрый человек, джентльмен. Я спросил, что он думает по поводу суда над Радеком и его группой. Считает, что они виновны.

Обменялись мнениями относительно перспектив развития отношений между нашими странами и коснулись вопроса золотого запаса. Говорит, что кое в чём поспорит с нами, но в целом мы видим тему примерно одинаково.

После полудня я отправился на суд — сегодня заключительное заседание. Послушал Радека, Сокольников, Серебрякова и других — как они произносят последнее слово. Похоже на мольбу.

Вернулся в 15.00. В 15.15 звонил турецкому послу. В 15.30 — персидскому.

В 16.00 мы с Марджори поехали на чай к госпоже Литвиновой*

Когда мы приехали (*в СССР*), госпожи Литвиновой в Москве не было. По дипсообществу распространялись слухи, что она была «ликвидирована», что она исчезла; и т.д. и т.п.

Марджори и меня пригласили на чай в Спиридоновку. В старинный особняк, используемый правительством для отдыха и развлечений. Госпожа Литвинова встретила нас со всей уравновешенностью. Очаровательная англичанка, какая она есть. Она разработала методику преподавания английского Basic english, обучала по ней в Уральском индустриальном институте. Она обаятельна и умна, но что

характерно — мало уделяет внимания своей внешности. Бросаются в глаза её руки — они красные и потрескавшиеся. Она — сестра моего старого друга сэра Сидни Лоу, с которым я познакомился в Вашингтоне во время (*Первой мировой*) войны. Литвинова она встретила в Лондоне. Там же и вышла за него замуж.

Москва, 11 февраля 1937 г.

ЗА КАДРОМ МОСКОВСКИХ СУДОВ

Достопочтенному государственному секретарю
Разбирательство о попытке государственной измены
Радека (23-30 января)
Строго конфиденциально

Сэр!

Имею честь передать вам некоторые мои впечатления, возникшие в моём сознании в связи с недавним так называемым судом по делу об измене Троцкого и Радека.

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФОН

Этот процесс явился следствием убийства Кирова 1 декабря 1934 г. Киров был одним из видных партийных деятелей при Сталине. Возглавлял правительство Ленинградской области, и его убийство в то время произвело настоящий фурор и вызвало большое беспокойство у части руководителей правительства в Москве. Сам Сталин, нарком обороны Ворошилов и другие члены правительства лично поспешили на место происшествия, очевидно, опасаясь витавшей в воздухе угрозы свержения сталинского кабинета.

Обвиняемых в настоящем судебном процессе было семнадцать человек. Пять или шесть — заметные политические лидеры. Остальные были подручными — инженеры, авантюристы и т.п. Обвинение сконцентрировалось на конкретных инструментах, которыми велась подрывная деятельность, квалифицированная потом как измена: шпионаж, саботаж, терроризм и казни различных персон, преступные действия. Обвинение было сфокусировано на конкретном преступнике.

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС

Установленные законом определения, запреты и методика выработки срока наказания — весьма специфический момент. Эти статуты существуют с 1 января 1927 года.

Соучастник в равной степени виновен с исполнителем преступления. Участие в любой организованной преступной политической деятельности, даже приготовление к подготовке совершения любого из этих действий, тоже влечёт за собой наказание, связанное с конкретным преступным деянием.

Уголовный кодекс основан в первую очередь на возвышении государства над личностью. Наказания за преступления против государства намного суровее, чем за преступления против гражданской собственности или жизни частного лица. За убийство гражданского лица из чувства жадности, алчности и т.п. преступник может отделаться штрафом или несколькими годами лишения свободы. Но максимальное наказание за правонарушение против собственности государства — смертная казнь.

Еще одной особенностью их уголовного права, является отсутствие градаций наказания. Радеку и его товарищам и за троцкистский уклон, обнаруженный ими в 1935 году и за цели свержения правительства, проявившиеся в 1935, грозила высшая мера. Хотя уклон — дело политическое, а свержение правительства похоже на терроризм.

ИСТОРИЯ ГЛАВНЫХ ОБВИНЯЕМЫХ

Чтобы оценить эту ситуацию, следует иметь в виду, что практически все основные подсудимые были воспитаны с ранней юности в атмосфере заговора против установленного порядка. Они познакомились и сошлись в университетской юности на почве неприятия царя и тогда уже жили в обстановке повседневной конспирации, ежедневно рискуя столкнуться со смертью «на пороге» взрослой жизни ради успеха Революции. Конспирация, заговор — пропитали их, кажется, до мозга костей.

После смерти Ленина в 1924 г. развернулась борьба за лидерский пост между двумя выдающимися претендентами: Троцким и Сталиным. Первый, еврей, был из блестящих интеллектуалов, разносторонний, динамический тип. Второй, грузин, был простым, трудолюбивым, с большой работоспособностью человеком. Гений организации и мужчина огромной физической и умственной силы и восточного терпения. Будучи Секретарём Коммунистической партии, он медленно наращивал её, усиливал, создавая мощную машину, которая позволит ему победить Троцкого и выдвинуть его из страны окончательно в 1927 году. Видимо, другой борьбы в то время было не так много: всё поглотил конфликт принципов как конфликт этих двух личностей. На это указывает тот факт, что многое из того, чем сейчас содержится в программе Сталина, было частью программы Троцкого.

Но Сталин, видимо, даже в те далекие теперь дни, был настроен на программу промышленного развития страны (*Дэвис имеет в виду индустриализацию*). Идея продвижения коммунизма по всему миру у него — на втором месте, тогда как для Троцкого и сейчас мировая революция — это самое главное. В течение всего этого постленинского периода Троцкий привлекал к себе очень большое количество энтузиастов среди политических лидеров страны. Эти люди, после его падения, были отправлены куда-то, отлучены от партии, лишены мест в правительстве. Некоторые несколько позже отреклись от взглядов и идей Троцкого и были снова приняты в партию и даже заняли в ней какие-то официальные места. Но над этими людьми всегда висело облако подозрений. Им никогда не будут доверены должности первой степени важности, и им никогда не будут доверять нынешние власти. Таких мужчин было шесть. Они — основные ответчики по делу группы Радека.

ДРУГИЕ УСЛОВИЯ, ВАЖНЫЕ ДЛЯ ОЦЕНКИ СИТУАЦИИ

Следует также иметь в виду, что именно Сталин спроектировал пятилетку 1929 г. после изгнания Троцкого. (Дэ-

вис немного ошибается с датой — первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР был принят в 1928 году на срок до 1932 г. включительно и выполнен был за 4 года и 3 месяца) План содержал как программу индустриализации страны, так и коллективизации сельского хозяйства. В 1931 и 1932 годах утверждалось, что зародились, эти планы, когда страна испытывала «ужасающие трудности». Условия тогда были определено намного хуже, чем в 1935 году. Говорят, в верхах, анализируя ситуацию, сходились во мнении, что показатели, запланированные на конец пятилетки, можно будет достичь реально в 1934 или 1935 гг. Но статистика утверждает, что благодаря невиданному энтузиазму населения план выполнен был досрочно, и это придало Сталину силу. В 1935 году сталинский режим уже был намного сильнее, чем в 1931. Об этом улучшении ситуации в показаниях подсудимых упоминается много раз, как объяснение причин изменения их взглядов за прошедшие годы. Да и мотивов нынешнего покаяния тоже.

Еще один фактор, лежащий в основе этого необычного судебного процесса, состоит в том, что коммунизм для этих людей является религией. Их преданность ему фанатична.

ЗАЛ И АТМОСФЕРА

Я старался по максимуму присутствовать на судебном процессе, который длился шесть дней. Это была потрясающая драма человеческих судеб.

Заседания проходили в течение длительного времени, как я уже писал, в помещении, которое было при старом режиме фешенебельным московским клубом. По обе стороны у стен стояли ряды сидений целиком занятые разными группами «рабочих», которые, по моему, на каждой сессии были новыми. В центре зала были несколько рядов, зарезервированных для корреспондентов, местных и иностранных газет, а также для дипломатического корпуса. Мне сказали, что различные группы «рабочих» должны были предоставлять свои отчёты о ходе процесса в организации, откуда их направили.

Трое судей, все в форме восседали на возвышении в передней части зала. Они были членами военной коллегии, входящей в состав Верховного суда, наделённой полномочиями ведения судов по делам о преступлениях против государства. Помост был частью платформы, поднятой примерно на пять футов выше уровня пола. В центре платформы было выделено круглое пространство, похожее на колодец; Трибуна для свидетелей представляла собой подставку около фута высотой в этом колодце, примерно в восьми футах от рядов зрителей. Свидетель докладывал, повернувшись лицом к судьям. В колодце также стояли столы для защиты.

Справа от помоста сидели подсудимые, окружённые простыми деревянными перилами высотой три или четыре фута (своего рода коробка для подсудимых). Они сидели в четыре ряда по четыре стула в каждом, лицом к центру колодца. С интервалом в тридцать минут менялся караул — четверо солдат проходили строевым шагом под командованием офицера и занимали место отстоявших своё время. На противоположной стороне колодца, на платформе, были прокурор и два его помощника, один в военной форме. Заседания начинались ровно в полдень, сессия длилась до четырёх часов дня с получасовым перерывом. Вечернее заседание начиналось в шесть и продолжалось до десяти часов ночи.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Производство по делу открылось оглашением обвинительного заключения. Это был длинный рассказ о предполагаемых преступлениях. Всё было изложено очень подробно с представлением большого количества доказательств в виде письменных документов. Это произвело своего рода сенсацию среди журналистов и дипломатических наблюдателей. Были ли серьёзные расхождения между обвинениями, содержащимися в обвинительном заключении и доказательствами, представленными по мере развития судебного разбирательства дополнительно, ска-

зять невозможно, поскольку сами документы в некоторых случаях в натуральном виде не присутствовали. Утверждается, что они были уничтожены как свидетельствующие против самого себя или упоминавшиеся только в ходе дачи показаний, или зарезервированы для представления в военный суд, как секретные материалы.

Время дневных перерывов, между 4 и 6 часами вечера, я использовал для посещения различных заведений, магазинов и т. д. В каждом из посещаемых мною мест я видел, как собирались группы до 60 человек, к которым обращался человек, описывающий процесс и порицавший беззакония обвиняемых. Это, как мне известно, происходило повсюду в стране, даже радио ради этого специально работает сверхурочно. Их политическая и пропагандистская организация распространяется на каждый слой общества. Самая низкая единица, называемая «ячейкой» состоит из трёх членов партии, отвечающих друг за друга.

Каждый из подсудимых вставал со своего места в ответ на вопрос от главного судьи и признавал себя виновным. Загородка для заключенных была оборудована микрофонами, удобно расположенными для выступления обвиняемых. Прокурор делал пометки в листках, которые были, по моему, подписанными преступниками признаниями, и задавал сравнительно мало вопросов. Каждый подсудимый дал хронологическое повествование о своей преступной деятельности. Прокурор вел дело спокойно и в целом с подчёркнутой умеренностью.

Во внешности обвиняемых не было ничего необычного. Все они казались здоровыми и находящимися в нормальной физической форме. В первые дни слушаний они, кажется, проявляли большое любопытство к реакции толпы и были спокойными, но мне кажется это впечатление было обманчивым. По мере продолжения процесса количество доказательств вины всё увеличивалось, и я заметил, как отчаяние все больше охватывает некоторых из них. Многие под воздействием процесса хватались за голову руками или склоняли её, касаясь лбом перил. Как прави-

ло, все они, казалось, с нетерпением выслушали главного обвинителя, в речи которого обнаружилось для них куда больше сюрпризов и неожиданностей, чем они ожидали.

ОБВИНЯЕМЫЕ

Основными фигурантами дела были Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков, Муралов. Пятаков был вызван первым к микрофону и встал перед ним лицом к прокурору через колодец. Он выглядел как профессор колледжа, читающий лекцию. Пятаков занимал должность помощника наркома тяжелой промышленности. По общему мнению, успех пятилетнего плана был достигнут во многом благодаря ему. Кажется, он происходил из старинной производственной семьи.

В деталях, спокойно и бесстрастно он изложил рассказ о видах своей преступной деятельности. По мере того, как он продолжал (как и в случае с другими), его показания прерывались прокурором, вызывавшим разных свидетелей, чтобы подтвердить определенные конкретные случаи, которые подсудимый описывал. В некоторых случаях они изменяли или оспаривали некоторые факты, но в основном подтверждали, что преступление совершено.

Удивительно, как всё было доложено этими обвиняемыми: беспечно; я бы сказал, в высшей степени... Я особо отметил, как Серебряков, который был старым железнодорожником, поднялся со стула, чтобы подтвердить факт особо ужасного преступления. Сделал он это весьма лаконично, после чего сел совершенно равнодушно и зевнул. Серебряков был похож на пирата, который способен с херувимским выражением лица перерезать жертве горло. Он проецировал ужас и действительно был похож на преступника.

Радек, второй подозреваемый, был человеком совсем другого типа. Короткий и коренастый, но с агрессивным и ярким характером он доминировал в зале суда. Одет он был крестьянином, и этот его образ подчеркивала растительность под подбородком. Его позиция заключалась в

том, что, конечно, он был одним из политических лидеров заговора и что, пока он лично не участвовал в этих конкретных преступлениях, но знал о них. Он даже и не думал уклоняться от ответственности за это. Однако он постоянно настаивал, что это были «искусственные» преступления, поскольку они были политическими по своему характеру и в этом искал оправдания своим проступкам. У него было несколько острых разговоров с прокурором. Выступая, он попросил суд учесть, что это он воспрепятствовал реализации заговора Троцкого.

Сокольников, бывший посол в Лондоне и помощник наркома иностранных дел, принадлежал к совершенно другому типу: круглое лицо с высоким лбом, смуглый. Он тоже казался бесстрастным и говорил так о своём участии в заговоре, будто читал лекцию: изложил в строгом порядке логично и ясно причины, которые побудили его и его сообщников, чтобы начать переговоры с Японией и Германией. Причиной его действий была «невозможность организации внутри страны спроектировать свои планы улучшения жизни русских людей. По его словам, сталинское правительство было настолько сильным, что при помощи массовых выступлений внутри СССР его свергнуть было невозможно. И потому у них были «исторически сложившиеся причины полагать, что лучшим шансом было прийти к власти через войну с иностранным врагом и создать новое государство благодаря помощи победителей (немцев) и вероятной поддержке других западных держав Европы, с которыми он рассчитывал достичь мирных договоренностей.

Муралов был похож на солдата с бородкой: сочетание седых волос с тонкими орлиными чертами лица несколько шокировало. Ростом он более шести футов. Одет в русскую простую темную рубаху, застегнутую на шее — смотрится неброско, но мужественно, ведёт себя с достоинством, без гримас.

Одно время он занимал высокое положение в командовании в вооруженных силах в Москве. Говорит он спо-

койно, в естественной манере. Рассказал о причинах, которые побудили его поддержать Троцкого, как одного из его старейших и лучших друзей и «великого человека бывшего уже тогда великим, когда некоторые другие были мышами». Отказался признать себя виновным и, судя по всему, это его окончательное решение. Он отрицает, что на него оказывалось какое-либо давление, и заявил, что в течение восьми месяцев он отказывался признать себя виновным и сегодня не следует ждать, что его мнение как-то поменяется. Он сказал, что был возмущён фактом его ареста, и сначала в нем бродило желание умереть героем. Но с ходом времени он проанализировал ситуацию и пришёл к выводу, что Сталин и правительство добились большого прогресса и сделали очень много для русского народа. Поэтому он считает, что ошибался в своих оценках, но это — ошибка, а не вина.

Остальные обвиняемые давали подробные показания, рассказывали о своих конкретных преступлениях самых разных типов. Казалось, что все подсудимые стремились взвалить на себя обвинения по максимуму. Одного из ответчиков прокурору даже пришлось останавливать и просить не приукрашивать свои показания дополнительными преступлениями. Позиция прокурора вообще никаким образом не показывала, что он собирается запугивать подсудимых. Видимо, в этом не было необходимости.

По окончании дачи показаний прокурор выступил с долгим обращением к суду, частично на основании доказательств, но в основном с посторонним историческим материалом. Это была научная и талантливая презентация.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ СМЕЩЁННЫХ И ОТРЕШЁННЫХ

Подсудимый Пятаков в своем заключительном слове не просил пощады. И Шестов, который был главным инициатором некоторых из самых отвратительных преступлений, по сути, заявил, что он заслужил смерть и хотел умереть. Радек не просил пощады, кроме как косвенно, Муралов тоже. Со-

кольников просил, но сделал это очень достойно. Остальные, без исключения, просили милосердия.

По завершении этих «последних слов» суд взял перерыв. Пятью часами позже был вынесен вердикт.

РЕШЕНИЕ СУДА

Все подсудимые были признаны виновными и приговорены к наказаниям в соответствии со степенью своей преступности. Пятаков и Серебряков как организаторы и члены антисоветского троцкистского центра, также за государственную измену, шпионаж, вредительство и террористическую деятельность, были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Одиннадцать других, включая Муралова, как организаторы и непосредственные исполнители преступлений, были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Двое, Радек и Сокольников, как члены антисоветского троцкистского «параллельного центра», осуществлявшего преступную деятельность, но не участвовавшие напрямую в организации и совершении конкретных преступлений, были приговорены к десяти годам лишения свободы. Двое других, Арнольд и Строилов, получили по десять лет лишения свободы за конкретные преступления, в которых и были обвинены. В решении суда также говорилось, что личное имущество всех осужденных подлежит конфискации, и что все заключённые, приговорённые к тюремному сроку, должны быть лишены политических прав сроком на пять лет каждый. Милосердие, проявленное по отношению к Радеку и Сокольникову, оказалось сюрпризом для всех и вызвало всеобщее недоумение.

ОБЩИЕ КОММЕНТАРИИ

Самая необычная часть этого процесса с точки зрения западного человека в том, зачем вообще нужен был такой суд. Все обвиняемые заявили о признании вины. Суду нечего было делать — только выслушать возможные мольбы о помиловании и приговорить обвиняемого. Но здесь

же состоялся так называемый суд. Процесс, который длился шесть дней. Суду были, по-видимому, представлены все доказательства — прокурору их перечислять выглядело, с нашей точки зрения, совершенно бесполезной процедурой. Вероятно, имелись две цели этой программы со стороны властей.

Это не для протокола: скорее всего процесс был инсценирован в пропагандистских целях. Он разрабатывался, во-первых, как предупреждение всем существующим и потенциальным заговорщикам и конспираторам в Советском Союзе. Во-вторых, имел целью дискредитировать Троцкого за границей. И, в-третьих, должен был сыграть на укрепление у народа чувства поддержки своему правительству против внешних врагов — Германии и Японии. Во время суда были использованы все средства пропаганды, чтобы донести эту информацию до всех. Газеты были заполнены не только протоколами показаний, но и комментариями, весьма жестокими и оскорбительными по отношению к обвиняемым. Радио тоже работало сверхурочно.

Другой вероятной целью было дать возможность общественности самой судить о добросовестности признания обвиняемых. Если бы эти признания были сделаны «в камерах» или произведены на бумаге с подписями обвиняемых, можно было отрицать их подлинность. Теперь же факт признаний нельзя оспаривать, благодаря «самообвинениям», сделанным в открытом судебном процессе.

От предыдущих судебных процессов, судя по отчётам, настоящее дело отличалось, по мнению многих наблюдателей, тем, что все фигуранты практически единодушно признали свою вину, и что было доказано прилюдно существование заговора против Советской власти.

С помощью сидевшего рядом со мной переводчика я внимательно вслушивался в показания подсудимых. Должен признаться, что я изначально был настроен не верить тому, что они будут говорить. Единодушные их признания выглядело вытекающим из факта их долгого нахождения под стражей, отсутствия контактов с кем бы то ни было,

за исключением следователей, помноженного на возможность со стороны властей оказывать на арестованных давление и принуждать говорить то, что властям нужно. Когда люди так наговаривают на самих себя, у меня всегда рождаются подозрения в их неискренности.

Однако с объективной точки зрения и основываясь на имеющемся у меня опыте рассмотрения дел и проведения проверок на достоверность излагаемого, я пришёл к выводу, который бы мне не хотелось делать: государство создало прецедент, достаточный для доказательства, что существование широко разветвлённого заговора возможно и комплот политических лидеров против советского правительства может быть. Однако в моей голове все еще остается некоторая оговорка, основанная на том факте, что советская система исполнения наказаний за нарушение законов и психология русских людей настолько отличаются от американских аналогов, что, возможно, тесты, которые я применил бы к русским, принесли бы неверные результаты.

Если согласиться, однако, что человеческая природа в основном одинаковая, я бы предположил, что этот процесс был придуман и поставлен как проект драматической политической фантастики, достойный пера Шекспира и гения Беласко*. Исторический фон и окружающие обстоятельства придают показаниям достоверность. Рассуждения, которое Сокольников и Радек привели в оправдание своей разнообразной деятельности и представленные ими ожидаемые её результаты выглядят вполне правдоподобно. Способ свидетельствования различных обвиняемых и их положение на скамье подсудимых также имели значение для меня. Бесстрастное, логичное, подробное изложение Пятакова и впечатление отчаянной искренности, с которой он это делал, убеждает. То же и с Сокольниковым. Старый генерал Муралов — особенно впечатляющ. Он держался прекрасно — с достоинством и прямоотой старого солдата. В своём последнем слове он сказал:

«Я отказываюсь от адвоката и отказываюсь выступать в свою защиту, потому что привык защищать себя хоро-

шим оружием и атаковать хорошим оружием. А у меня нет сейчас хорошего оружия, чтобы защитить себя. Я не хочу в этом винить кого-то; Я сам виноват. Это моя трудность. Это моё несчастье...»

Более мелкие обвиняемые, которые были просто инструментами, явно усилили свои выступления. Подробное описание своих преступлений, к которому они прибегали, во многих случаях указывало на то, что они произносят многое впервые. Раньше этих показаний не давали.

На первый взгляд, в этом случае мне было бы сложно представить себе любой суд в любой юрисдикции, пытающийся добиться чего-то иного кроме признания подсудимыми себя виновными в нарушениях закона. Подтверждения всего того, что зафиксировано в обвинительном заключении.

Я разговаривал со многими, если не со всеми, членами дипломатического круга, присутствовавшими на процессе, и все они, возможно, за исключением одного, согласны с тем, что в ходе слушаний неопровержимо установлено и чётко подтверждено существование политического заговора с целью свержения правительства.

В дипломатическом корпусе нет единого мнения в отношении показаний со ссылкой на предполагаемое согласие Троцкого по вопросу ориентации на помощь Японии и Германии. То, что такой план возможен, подтверждается Сокольниковым, а Радек и вовсе указал, что они не придумали чего-то нового: похожую схему использовал Ленин, пришедший к власти в 1917 г. с помощью немецкой армии и подъёма социал-демократов в Германии. Другие об этой детали не говорили. Но так или иначе, все согласились, что государству удалось установить и доказать существование заговора против него и его нынешней власти.

Судебное разбирательство произвело на меня столь же ужасное впечатление, сколь благоприятное и вдохновенное оставил Конституционный съезд.

С момента начала суда постоянно ходили слухи о массовых арестах интеллектуалов и политически альтерна-

тивно настроенных людей в разных частях России. Все эти инакомыслящие якобы были причастны к троцкистскому заговору. Вдобавок распространяются уже совсем дикие слухи о том, что вдова Ленина, маршал революции и нарком обороны СССР (*речь о Клименте Ворошилове*), наркоминдел Литвинов и другие высокопоставленные лица брошены в тюрьму. Насколько мне известно, эта информация не соответствует действительности. По крайней мере, в отношении двоих последних. Думаю, что и в отношении других лиц данные тоже искажены.

Интересно отметить, что в начале последней революции Ленин и другие интеллектуальные революционеры согласились (по общему мнению) между собой, что они, в порядке извлечения пользы из урока французской революции, не допустят междоусобной борьбы, чтобы не стать жертвами контрреволюционных сил. Из лидеров тех большевиков остались в живых единицы: Сталин, Калинин и Ворошилов. Все остальные были изгнаны или мертвы, многие «ликвидированы» или расстреляны по суду. Несмотря на то, что они признавали существование опасности уничтожения их идеалов через честолюбие, человеческая природа снова брала своё. Точно, как во Французской революции только здесь темп был медленнее.

Здесь преобладает мнение дипломатического корпуса, точно так же, как и у американских журналистов, что сталинское правительство прочно закрепившись у власти и, в отсутствие войны за рубежом, будет так действовать ещё долго.

В заключение хочу сказать, что весь этот судебный процесс и его окружающие его обстоятельства шокируют наш менталитет. Однако это благоприятный фон, на котором отчетливо и мощно выглядят наши достижения. Такие, как реальная конституционная защита свободы личности. Право обвиняемого на адвоката до суда, право отказаться свидетельствовать против самого себя, презумпция невиновности и применение старых принципов общего права, что лучше тысяча виноватых мужчин на свободе, чем

один несправедливо осужденный (невиновный) человек. Всё это приобретает реальный смысл перед лицом такого испытания, как это.

Чсть имею, сэр, с уважением,

Джозеф Э. Дэвис

ПЕТИЦИЯ В ПОДДЕРЖКУ ВЛАДИМИРА РОММА

ВЫСОКОЧТИМОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ

ИНЦИДЕНТ С РОММОМ

В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ РАДЕКА

Строго конфиденциально

Сэр!

Имею честь сообщить об инциденте, происшедшем в связи с судебным процессом по делу об измене группы Радека, протокол которого должен быть в досье в Департаменте.

В ходе судебного процесса над Радеком г-н Уолтер Дюранти из New York Times пришёл ко мне с телеграммой, которую он получил от группы журналистов в США. Вот текст телеграммы:

«Все члены вашингтонского газетного корпуса с тревогой прочитали об аресте нашего коллеги Владимира Ромма из «Известий». Мы давно знаем Ромма и находим его настоящим другом и защитником СССР.

Ни разу он не совершил чего-либо такого, что указывало бы отсутствие лояльности к существующему правительству. Он сделал больше, чем любой другой советский журналист для популяризации сталинского режима в этой стране. Мы надеемся, что этот отзыв поможет судьям утвердиться в этом мнении и Департамент попросит посла Дэвиса также передать эти представления советской стороне».

Я очень внимательно следил за показаниями Ромма. И пришёл к выводу, что было бы совершенно очевидным нарушением правил представить наше ходатайство по этому поводу, по крайней мере, сейчас. Правомочность моей позиции была единодушно признана всеми американскими журналистами, работающими здесь.

К настоящему письму прилагается копия личного конфиденциального письма, которое я отправил г-ну Артуру Кроку из The New York Times с объяснением ситуации.

Копия письма посла Дэвиса мистеру Артуру Кроку от 26 января 1937 г.

Лично и конфиденциально
Г-ну. Артуру Кроку

Дорогой Артур!

Уолтер Дюранти показал мне телеграмму, которую он получил от участников Ассоциации прессы Конгресса с собранными подписями, в том числе и вашей собственной, в отношении тяжелого положения Ромма.

Конечно, мной были учтены ваши симпатии, и я наблюдал за ним и слушал его показания с глубочайшим интересом и вниманием.

Ромма допрашивали на суде как раз в день поступления вашего сообщения. Его выступление было весьма необычным. Без подсказок прокурора и наводящих вопросов он в хронологической последовательности рассказал всё очень наглядно и просто. Он сообщил, что был близким другом Радека, и время от времени выступал в роли посредника между Радеком, Троцким и сыном Троцкого Седовым передавая в одну и другую сторону письма (вшитые в книги на немецком). Он заявил, что был реальным сторонником Троцкого и то, что после разговора с ним и Седовым в 1931 или 1932 году он вошёл в состав организации Троцкого. Эти письма, на которые ссылались Ромм и другие подсудимые, стали основанием для обвинения их в участии в заговоре. Они служили доказательством участия подсудимых в заговоре Троцкого, направленном на свержение нынешнего русского правительства посредством саботажа, терроризма, убийств. Кроме того — для создания атмосферы пораженчества среди населения и активных контактов с Японией и Германией через иностранных шпионов для разжигания скорой войны против России. Главная роль в этой войне отводилась Германии, с её по-

мощью заговорщики надеялись прийти к власти в новой и меньшей Советской республике. Которая должна была быть образована после расчленения Советского Союза и уступки Украины Германии, а морских территорий и сахалинской нефти — Японии.

Обвинение указывает на бесчисленные нарушения существующих законов Советского Союза и наличие типичного контрреволюционного заговора террористов. Ромм также заявил, что использовал правительственное телеграфное агентство ТАСС для связи с Троцким.

Да, он сделал заявление, что с 1934 года, когда приехал в Соединенные Штаты, у него пропал интерес к дальнейшему участию в планах заговорщиков. Хотя заметно было, что он находится в подавленном состоянии, выглядел он физически здоровым.

В этих обстоятельствах никто не может оказать ему помощь в суде. Я бы с радостью сделал все, что мог, чтобы поспособствовать бедняге и особенно ввиду проявленного интереса с вашей стороны, мои уважаемые соотечественники. Но ведь он советский гражданин, знал советское право, и вошёл в ситуацию не вслепую. Более того — эта ситуация есть дело исключительно России и любое вмешательство с моей стороны, в особенности, если моя просьба будет отклонена, может поставить нашу администрацию в неудобное положение. А это совершенно нежелательно.

Сразу по окончании заседания я встретился с представителями нашей прессы, в лице Дюранти, Дьюэла, Наттера и Бесс — мы за обедом тщательно изучили ситуацию. Они были единодушны в анализе положения вещей и согласились с моим мнением.

Среди корреспондентов преобладают впечатления, что независимо от мотивов, которые могли спровоцировать эти необычные массовые признания подсудимых, прокуратура привела веские доводы в пользу существования широко разветвлённого заговора Троцкого, направленного на уничтожение нынешнего правительства. Это фактически новая французская революция.

Лично я с большим интересом следил за этим процессом, посетил каждую из его сессий и могу вам сказать, что в этой стране нет норм англосаксонского права (от Великой Хартии вольности до Билля о правах) и наши мысли предложения здесь не будут иметь веса и оснований.

Я пишу это вам лично и не для протокола и распространения.

Искренне Ваш, Джозеф Э. Дэвис

С высот нынешнего времени, первой половины XXI века слова Джозефа Дэвиса о неправомерности вмешательства американцев во внутренние дела Советского Союза выглядят откровением — на фоне постоянно раздающихся вот уже несколько лет воплей из-за океана о «вмешательстве России в выборы» (не только в США, но также Великобритании, Германии, Франции, etc.) Джозеф выглядит просто динозавром дипломатии. Сейчас таких американских послов для России не делают. Впрочем, для остальных стран мира тоже, о чем можно судить по беспрестанно следующим из Вашингтона указаниям Москве, Пекину, Брюсселю, Анкаре, Тегерану, Парижу, Тель-Авиву, Каракасу, Буэнос-Айресу и прочим, как себя вести, какие решения принимать и в чьих интересах (последнее в пояснениях, думаю, не нуждается). Штаты считают себя гегемоном, имеющим право управлять этим миром, но не замечают или не хотят замечать, что на их команды всё чаще следует ответ по принципу «не говорите мне, что я должен делать и я не скажу, куда вам нужно идти».

Может быть когда-нибудь их дипломаты (госсекретари, в первую очередь) сумеют «остановиться, отдышаться» и найти паузу, чтобы изучить опыт и манеру поведения своих великих предшественников. Хотя... Если уж в те далёкие сороковые годы прошлого века снятый по книге Джозефа Дэвиса фильм «Миссия в Москву» был назван «примером самой неприкрытой пропаганды Советского Союза», то можно представить, каким потоком слов сопровождают информацию о методах работы послов предвоенных

и военных лет нынешние представители заокеанья. Термин «фейк» точно будет самым частоупотребляемым и самым мягким из тех, что прозвучат.

Москва, 11 февраля 1937 г.

Я не сказал в своём письме моему другу Артуру Кроку, что собирался неофициально обсудить с Советским правительством ситуацию с Роммом, хотя не был полностью уверен в уместности этого. На помощь как всегда, пришел Хендерсон. Я обсудил этот вопрос с ним, и почувствовал, что для дипломата не будет выглядеть неприличным, если он частным образом попытается обсудить какой-то вопрос. Если, конечно, объяснить [той стороне] преимущества, которые могут принести мои неофициальные контакты по этой щекотливой теме.

В соответствии с моими официальными полномочиями и задачами я виделся с президентом Калининным, премьером Молотовым и министром иностранных дел Литвиновым (*здесь и дальше Дэвис иногда использует привычную ему терминологию, называя посты советских деятелей. А иногда и вовсе интерпретируя названия должностей «как ему кажется». На позицию дипломата и содержание его дневника эти с нашей точки зрения некоторые неточности негативного влияния не оказывают*).

«Очевидно, — сказал я им, — цель дипломатического представительства в США в Москве заключается в постоянном улучшении взаимопонимания и совершенствовании дружеских отношений. Поэтому я хотел бы взять на себя смелость предложить — лично и совершенно неофициально — что желательно серьёзно рассмотреть дело Ромма».

Я подробно остановился на том, как положительно могло бы сказаться рассмотрение этого дела, и выразил уверенность, что отклик на просьбу американских журналистов оказал бы благотворное влияние на общественное мнение в Соединенных Штатах. Они бы обязательно отразили в своих газетах, что Советский Союз и его правительство приняло во внимание их мнение относительно

но верности Ромма своему правительству, которое он продемонстрировал, работая в Вашингтоне. Это было вполне правильно рассмотреть доказательства такого рода в связи с вопросом о виновности Ромма. Предложение моё было выслушано и принято вежливо. Молотов заявил, что он оценил мои добрые намерения; и приветствовал мои предложения. С другой стороны, он сказал, что, к сожалению, «господа из прессы» в Вашингтоне не знали все факты такими, какими их знают советские правители. Поэтому он надеется, что судебное решение не будет принято, пока досконально не изучат и не раскроют все факты. Его правительство не могло сделать ничего до тех пор, пока вся ситуация не будет тщательно изучена. Если, однако, есть место сомнениям, то они с большим весом рассмотрят представления американских журналистов.

Я ушел с чувством, что всё, что можно сделать будет сделано. Конечно, бедный Ромм не оставил себе шансов, согласившись дать показания в открытом суде. Если бы его судили в закрытом, что-то могло бы измениться. И заступничество американских журналистов могло быть принято во внимание. Посол Уманский, когда позже я с ним разговаривал о Ромме, сообщил мне, что «американские газетчики его спасли — отчет советских чиновников о деятельности Рома в Вашингтоне был очень плохой, далеко не в пользу журналиста».

(На самом деле Константин Александрович Уманский в момент написания Дэвисом дневника являлся советником Полномочного представительства СССР в США. В этой должности он проработал с 1936 по 1939 гг.)

Москва 30 января 1937 г.

После полудня позвонил польский посол [в СССР]. Он очень ожесточён против советского режима. По поводу процесса над Радеком, который стал сенсацией для дипломатического корпуса на этой неделе, он думает, что все это подставная работа и внутренняя борьба старых большевиков. Он уверен, что признания были получены под воздей-

ствием на подследственных всевозможными угрозами и физическими полицейскими методами.

Он рассказал мне совершенно необычную историю, которую только что слышал. Он сообщил, что гражданин Польши был задержан на Украине по обвинению в шпионаже. Польскому посольству не удалось добиться его освобождения, поэтому поляки арестовали двух видных советских деятелей в Польше. В результате произошёл обмен пленными на границе. Поляк оказался очень больным человеком и был госпитализирован и взят под наблюдение польскими медицинскими экспертами. Они пришли к выводу, что ему добавляли в пищу атропин или какой-либо другой препарат, чтобы подавить его волю. По мнению посла, причиной этой цепи признаний на суде могло быть подобное медицинское вмешательство. Он также предположил, что причиной признания Ромма послужило то обстоятельство, что жену Ромма уговорили приехать в Россию. Вместе с ребёнком. Ромму пришлось сознаваться во всем из боязни, что иначе им будет причинён вред.

Правда, посол сказал, что это всё — чистой воды предположения. Но это стало первым конкретным заявлением на фоне слухов о применении следствием наркотиков, чтобы добиться от подсудимых нужного властям результата.

Толпы народа в этот день отмечали на Красной площади вынесение военным судом приговоров. Это было самое необычное зрелище, которое мне когда-то приходилось видеть: группы восторженных марширующих мужчин и женщин, демонстрирующих удовлетворение тем, что «предатели выявлены и будут наказаны».

Москва, 30 января 1937 г.

При последующем обсуждении «атропинового» предположения поляка другой дипломат из соседней страны сказал, что он не будет даже обсуждать эту историю, потому что она «может происходить из существующей враждебности между некоторыми государствами и предрасудков».

Он сослался на описание лечения Брюса Локкарта* (британского агента), когда тот был арестован по подозрению в причастности к покушению на Ленина, а также процитировал заявления об отрицании принудительных мер третьей степени со стороны фигурантов этих судебных процессов по делам о государственной измене. По его словам нынешнее дело вряд ли представляло такую важность, чтобы советское правительство пошло на подобные шаги.

Советское руководство опубликовало переводы на английский этого процесса, на котором я присутствовал. С согласия министерства иностранных дел мне удалось купить пятьдесят или шестьдесят экземпляров, которые я разослал разным друзьям в США. В том числе двум выдающимся юристам. Один из них — помощник генерального прокурора при администрации президента Вильсона, почтенный Чарльз Уоррен, автор книги о Верховном суде Соединённых Штатов, а другой — distinguished почтенный Сет Ричардсон, помощник Генерального прокурора при администрации Гувера. Оба сказали мне, что заинтересованно и внимательно прочли материалы судебного заседания, и каждый пришёл к выводу о том, что никакого другого приговора, кроме обвинительного, в этом деле не могло быть, поскольку всё подтверждено доказательствами.

Москва, 18 февраля 1937 г.

СЕНАТОРУ ДЖЕЙМСУ БИРНУ

Мой дорогой Джим!

В этом судебном процессе по делу об измене Радека основной порок с нашей точки зрения, заключается в процедуре подчинения личности государству с угнетением её прав.

Здесь нет гарантий общего права по защите личной свободы человека от возможных притеснений со стороны правительства, таких как право обвиняемого на общение с адвокатом при задержании, право отказа в даче свидетельских показаний против самого себя, право требовать, чтобы государство доказывало вину подсудимого, а не он